

Журнал о выдающихся людях Иркутской области

Признание

№37, май 2017 г.

e-mail: annacentr@mail.ru

тел.: 8(901)666 89 28, 8(983)464 13 38

Страницы истории Общества милосердия
и здоровья нефтехимиков г. Ангарска

стр. 6

Об удивляющем невежестве

стр. 9

Историческое расследование
С.Ф. Петровского

стр. 15

О знаменитом хирурге из Иркутской губернии
– герое книги рекордов Гиннеса

стр. 17

Автомобиль в летописи Иркутска

стр. 21

Победа любой ценой

стр. 22

**Знакомьтесь:
Изобретатель
СССР и
Литератор**

стр. **27**

(продолжение, начало в №29)

К юбилею Иркутской области

В 2017-м году Иркутская область будет отмечать 80-летний юбилей (образована 26 сентября 1937 года). О красивейшем, богатом регионе Сибири опубликовано множество литературных произведений, исследований по истории, географии, этнографии, биологии, геологии. Вот список книг о промышленных предприятиях области, который заслуживает особого внимания:

- **«АНХК: годы, события, люди»:** документально-хроникальные очерки об истории и становлении Ангарской нефтехимической компании. - Ангарск: «Платина», 2015. - 31 с.
- **«АЭХК. Полвека в строю»** / автор-составитель Лаптев А.К. - Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2007. - 352 с.
Юбилейная книга об Ангарском электролизном химическом комбинате.
- **«ООО «Сибмонтажавтоматика» – 55 лет. 1962-2017»** - Ангарск: издательская группа «Признание», 2017. - 50 с.
В книге имеется глава «Достижения Ангарского завода средств автоматизации».
- **«Алюминий Братска»:** очерки по истории Братского алюминиевого завода. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. - 192 с.
- **«Братский лесопромышленный комплекс: производственное объединение»** – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978. - 160 с.
- **«Первенец тяжёлого машиностроения Восточной Сибири»:** история Иркутского завода им. В.В. Куйбышева. - издательство «Мысль», 1983. - 336 с.
- Чаркова А.В., **«Сибирские крылья»:** очерки о трудовом пути Иркутского авиационного завода. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983. - 256 с.
- **«Полвека славы трудовой»** / редактор Михаленко И.А. Очерки об истории Ангарского цементного завода. - Ангарск, 2008. - 180 с.

■ А.И. СЕРЁДКИН,
краевед, г. Ангарск

Содержание

К 110-летию со дня рождения
Н.И. ЯРОПОЛОВА

4

Страницы истории Общества милосердия
и здоровья нефтехимиков г. Ангарска

6

Письмо в редакцию от О.А. УСТЮГОВОЙ

9

Проза С. ВЕРЕЩАКОВОЙ

11

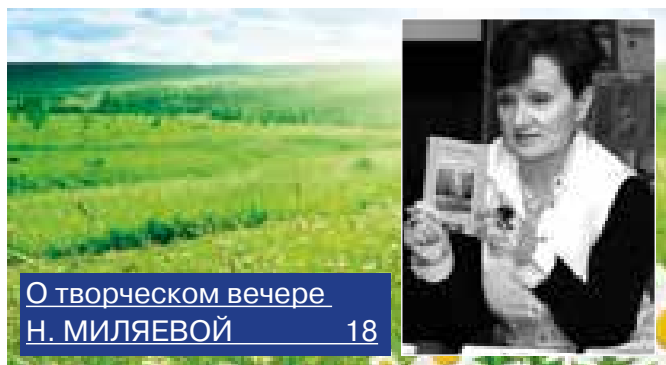
Публицистика С.Ф. ПЕТРОВСКОГО

15

О знаменитом хирурге
из Иркутской губернии

17

О творческом вечере
Н. МИЛЯЕВОЙ

18

О Доме творчества в селе Бельск

20

Автомобиль в летописи Иркутска

21

Победа любой ценой...

22

Проза А.М. ВСТАВСКОГО

23

Знакомьтесь: Изобретатель СССР
и Литератор

27

О спортивной династии Потаповых

32

Наши партнеры:

ООП АО «АНХК»; ЦБС г. Ангарска; Общество милосердия и здоровья нефтехимиков; Музей трудовой славы АНХК; администрация Савватеевского МО; Музей часов, выставочный зал и Музей минералов г. Ангарска; Дворец культуры «Нефтехимик»; Спортивно-технический клуб г. Ангарска; фонд «Город без наркотиков»; МАУЗ «БСМП», страховая компания «Колымская»; Региональный инженерно-консультационный центр «Кран-Парк»; Центр экспертизы условий труда; социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних; лицей №2; школы №№ 14, 31, 32, 35, 38; школа искусств № 4; детская художественная школа №1; школы раннего развития «Колобок» и «Школа дошкольников»; Музей народного образования, Дом детского творчества, МБОУ СОШ №№ 2, 17, (г. Усолье-Сибирское); Министерство культуры и архивов Иркутской области, ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, ООО «СибАрт», НП «ФранСиб», ОО «Сообщество мастеров» (г. Иркутск); частные лица.

Над выпуском работали:

А. НАРЧУК (издательское сопровождение, менеджмент, публицистика), В. ГРИГОРЬЕВ (фото, менеджмент, публицистика), Н. ПАРФИАНОВИЧ (дизайн, верстка), А. СЕРЕДКИН (публицистика)

К 110-летию со дня рождения Н.И. ЯРОПОЛОВА

«Он был спокоен и приветлив,
Всегда был делом увлечен»
Н. Ямщикова

Николай Иванович Ярополов – легендарная личность Ангарска. Как всесторонне образованный, трудолюбивый, практичный, он доказательно и удачно определил место расположения завода ИЖТ (искусственного жидкого топлива) и посёлка при нем из восьми имеющихся в разработке вариантов. «Две реки – Ангара и Китой, в их ладонях лежит город мой», – так подтвердил местоположение города Евгений Якушенко, известный ангарский композитор.

Судьба Николая Ивановича Ярополова, ровесника XX века, характерна для многих жителей России тех времен. Николай Ярополов родился 31 июля 1907 года в Архангельской губернии в селе Благовещенское. В 10 лет остался сиротой. Родители Николая Ивановича: Ярополов Иван Арсентьевич (1884 – 1917), Зинаида Степановна (1885 – 1907). Перелистывая странички его жизни (1907–1967), можно только удивляться, как паренек – рабфаковец, привыкший с детства к труду, прошел путь до видного государственного деятеля, директора крупнейшего предприятия в Восточной Сибири, профессора Иркутского государственного института. Вот только некоторые ступеньки жизни Николая Ярополова, по которым он шагал, не останавливаясь.

Учеба в ВУЗе

... У студентов 30-х годов была огромная страсть к учёбе, – как у девушек медицинского, так и у парней Сибирского химико-технологического институтов. **Валентина Володина** в мединститут поступила после рабфака, и Николай Ярополов тоже.

Томск – город студентов. Парень из Омска, девушка с Алтая. Познакомились, вероятно, на танцах или на комсомольском городском субботнике, или литературном студенческом вечере; а может, общежития были рядом? Николай, привыкший в жизни опираться только на свои силы и возможности, встретил заботливую, целеустремлённую, как и он, девушку. Понял, что она способна понимать, поддерживать и помогать ему в жизни. Валентине было надёжно с этим

• Николай Ярополов, студент.
Томск, 1930

симпатичным голубоглазым парнем – общительным, толковым, добро-сердечным, трудолюбивым. Взаимная симпатия, обаяние, совпадение интересов, взглядов на жизнь – всё, что называется любовью, привело их к свадьбе.

Студенческая свадьба

Она состоялась на втором курсе института, в 1930-м году. Из родных Валентины никто не приехал – не было возможности.

О свадьбе друга в институте знали. Николай Ярополов был председателем студенческой коммуны. На такое важное событие в жизни собрались друзья, подруги со стороны жениха и невесты. Свадьбу сыграли дружно, весело. На праздничный стол были поставлены хлеб-соль, отварная картошка, селёдка и квашеная капуста – всё, что достали. Прозносили задравные тосты, пили чай из алюминиевых кружек. Пели песни, танцевали вальсы и фокстроты. «Когда мы с Валюсиком женились

в Томске, пили вообще из железных кружек, и ничего, живём счастливо», – вспоминал иногда Николай Иванович.

Полина, сестра Валентины Михайловны, зимой прислала два килограмма коровьего замороженного масла с Алтая, и оно выручило не только молодожёнов, но и друзей – студентов общежития. На кусочек хлеба намазывали масло, запивая чаем перед занятиями. Почти всю зиму потчевались алтайским подарком!

Итак, в 1930-м году студент создал семью. Город Кемерово, 1934–1940 гг. После окончания института с дипломом инженера-химика приехал с женой по направлению на Кемеровский опытный гидрогенизационный завод. От старшего десятника до главного инженера прошёл трудовой путь Николай Ярополов за эти годы.

Он теоретически знал процесс получения моторного топлива, но ему не хватало практики. По командировке НХТП в 1937-м году с сентября по декабрь находился в Германии в городах Берлин, Кётен. Был на производственном обучении, на заводе в Гольцау (Хольцгау).

...В стране утвержден план второй пятилетки (1933 – 1937), направленный на индустриализацию страны. В восточных районах страны планировалось создать базы угольной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности.

Иркутская область (Макарьево), 1940 – 1942 гг. Главный инженер строящегося завода №274. Затем – перевод по приказу наркомата нефтяной промышленности в связи с ликвидацией строительства в Иркутск.

...Годы третьей пятилетки (1938–1942). Продолжалось ускоренное развитие промышленности в восточных областях страны. Возникли новые отрасли промышленности, крупные промышленные центры. Увеличилась численность городского населения с 29 миллионов в 1928-м году до 63 миллионов в 1940-м. Патриархально-крестьянская страна перешла к индустриальной стадии развития.

14 сентября 1945 года организована дирекция строящегося завода. Начальником комбината назначен Н.И. Ярополов. Николаю Ивановичу от роду было 38 лет! На его плечи пало самое трудное бремя технических, экономических, организационных работ по строительству, выдаче первой продукции к концу четвёртой пятилетки.

В 1946-м году жестокая засуха охватила основные зерновые районы европейской части страны. В 1947-м году был запущен первый советский атомный реактор, и Советский Союз на весь мир заявил, что для него секрета атомной бомбы не существует. До конца 1947 года сохранялась карточная система на получение продовольствия. Основное внимание, как до войны, уделялось тяжёлой промышленности, металлургии, машиностроению и развивающейся нефтехимии. За развитие этих отраслей в первую очередь спрашивали с партийных и хозяйственных деятелей.

В 1948-м году по инициативе Н.И. Ярополова был создан техникум искусственного жидкого топлива и газа (ИЖТ). Первые студенты учились в Иркутске в помещении авиационного техникума. В 1951-м году в Ангарске сдано в эксплуатацию трёхэтажное здание техникума. С первых лет работы этого учебного заведения Н.И. Ярополов был председателем государственной экзаменационной комиссии на выпускных экзаменах.

14 апреля 1954 года состоялся пуск первой нити получения товарного продукта – метанола.

С энтузиазмом и отдачей

Николай Иванович Ярополов – инженер, химик-технолог, трудился на территории Иркутской области с большим энтузиазмом и отдачей сил. В годы Великой Отечественной войны в условиях острой нехватки моторного топлива по проектам инженера Ярополова и под его непосредственным техническим руководством были построены и находились в эксплуатации ряд установок по производству светлого моторного топлива из сапропелитов.

12 лет инженерной и организаторской деятельности Ярополова связаны со строительством, пуском и эксплуатацией Комбината-16 – одного из крупнейших промышленных предприятий страны. Параллельно строился посёлок, который в 1951-м году стал городом.

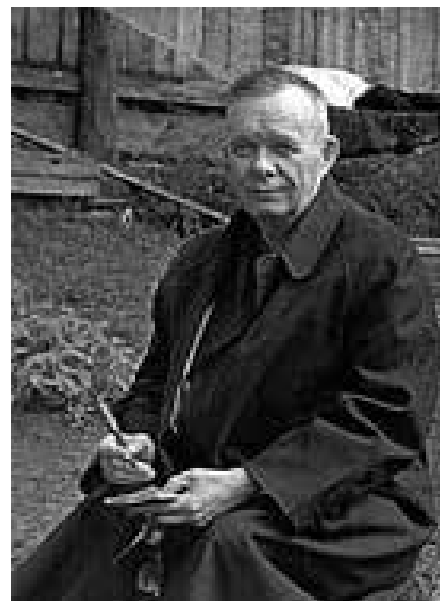

• Валентина Михайловна и Николай Иванович Ярополовы, 1955

При его авторском участии и техническом руководстве, как главного инженера Комбината-16, группой высококвалифицированных специалистов был разработан в 1952-1953 гг. технический план пуска Комбината-16, включившего в свой состав большое количество разнообразных производств по переработке твердого топлива и газообразных продуктов.

За участие в организации производства аммиака на Комбинате-16 и применении аммиачной воды, как удобрения для сельскохозяйственных культур в Иркутской области, Ярополов Н.И. был награжден в 1957-м году медалью «За освоение целинных земель».

В 1948-1949 гг. он читал специальный курс химической технологии в техникуме ИЖТ, вел работу в парткоме Комбината-16, городском Совете, руководил группой докладчиков, консультантом.

• Николай Ярополов, 1948

Н.И. Ярополов принимал активное участие в общественной жизни Ангарска. В городском Совете депутатские обязанности он выполнял безукоризненно, с инициативой. Не дожидаясь газовой разводки, организовал установку газовых баллонов в двухэтажных домах центральной части города. Избирался членом обкома профсоюзов нефтехимиков.

Ангарский Горсовет для увековечивания памяти Н.И. Ярополова назвал его именем переулок между 106 и 107 кварталами в 1968-м году. Николай Иванович Ярополов был награжден Орденом Ленина, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

■ Н. ЕЛЬКИНА

• Переулок имени Н.И. Ярополова (фото В. Григорьева)

Страницы истории Общества милосердия и здоровья нефтехимиков г. Ангарска

Ангарский нефтехимический комбинат (Комбинат-16), ныне Ангарская нефтехимическая компания, до 1990 года являлся одним из крупнейших предприятий отрасли. Переработка нефти достигала 24 млн. тонн в год, производилось более 250 видов химической и нефтехимической продукции. Численности только промышленного персонала составляла 18 тысяч человек.

Комбинат располагал ведомственным жильем, множеством объектов соцкультбыта, в том числе 49 детскими учреждениями, 21 общежитием, тремя пионерскими лагерями, туристическими базами на реке Ангара и озере Байкал, медико-санитарной частью, санаторием-профилакторием «Родник», Дворцом культуры, крупной библиотекой, 18 загородными базами отдыха, спальными корпусами на курортах Крыма, Прибалтики и в Иркутской области.

С переходом на рыночную экономику на комбинате в три раза сократился объем переработки нефти, прекратили своё существование многие производства, были переданы в муниципальную собственность весь жилой фонд, спортивные объекты, детские учреждения, началась реорганизация производств, выделение в акционерские общества.

Спад производства повлек за собой трудности, к которым люди не были готовы. Сворачивались со-

циальные программы государства, рабочие месяцами, а то и годами не получали заработную плату, большое количество предприятий переходило из рук одного новоиспечённого хозяина к другому.

В связи с этим произошло значительное сокращение численности работающих. Тысячи людей лишились работы, многие стали пенсионерами с мизерными пенсиями, они попали в самое тяжелое положение, стали владеть жалкое существование.

Предвидя такую обстановку, профсоюзный комитет Ангарского нефтехимического комбината совместно с Советом ветеранов войны и труда, при поддержке руководства компании (СЕРЕДЮК Федор Семенович) приступили к созданию комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья.

5 июня 1990 года прошло Учредительное собрание представителей общественных организаций в лице представителей Советов ветеранов

• Ефим Евсеевич ШАГАЛОВ

войны и труда, председателей Советов трудовых коллективов, председателей профсоюзных комитетов предприятий, председателей общества «Красного креста», членов организационного комитета и администрации объединения (присутствовали около 150 человек). В повестку собрания были включены 3 вопроса:

1) об утверждении положения о комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья ПО «Ангарскнефтеоргсинтез»;

2) об избрании комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья;

3) об избрании ревизионной комиссии Фонда.

С докладом о проекте положения комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья ПО «Ангарскнефтеоргсинтез» выступил председатель профкома **Ефим Евсеевич ШАГАЛОВ**. Постановили:

1) утвердить положение о комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья с учетом вынесенных предложений;

2) просить Ангарское отделение «Жилсоцбанка» открыть расчетный счет;

3) до 15 июля 1990 года создать во всех структурных подразделениях комиссии содействия Фонду.

Путём голосования председателем комиссии был избран **Богомолов Геннадий Иванович** (инженер Отдела технической информации), его заместителем - **Лаврентьев Октябрь Леонидович** (начальник штаба ГО), секретарём комиссии - **Кулакова Татьяна Владиславовна** (секретарь Отдела управления), бухгалтером - **СОБОЛЕВА Любовь Михайловна** (бухгалтер управления).

Членами комиссии были избраны: **Зырянов Борис Павлович** – председатель Совета ветеранов, **Фёдоров Николай Александрович** – гл. бухгалтер комиссии, **Шагалов Ефим Евсеевич** – инструктор профкома, **Петровская Мария Михайловна** – председатель «Красного креста», **Шило Владимир Алексеевич** – слесарь цеха КИП, **Эпова Мария Юрьевна** – экономист финансового отдела, **Серебренникова Нина Иннокентьевна** – председатель женсовета. Все избранные приступили к работе на общественных началах.

Уже 6 июня 1990 года принимается положение «О комиссии содействия Фонду милосердия и здоровья», которое утверждает: **Середюк Федор Семенович** – генеральный директор, **Лончаков Юрий Павлович** – председатель профсоюзного коллектива, **Шекера Дмитрий Васильевич** – председатель Совета трудового коллектива, **Богомолов Геннадий Иванович** – председатель комиссии Фонда милосердия.

Настоящее положение было разработано и утверждено в соответствии с Постановлением Президиума Советского фонда милосердия и здоровья от 15 сентября 1989 года и Пленума правления от 17 января 1990 года на основе постановления Совета Министров СССР от 15.10.1988. Оказание помощи из

средств Фонда предусматривает: лечение и приобретение лекарств, зубопротезирование, микрохирургия глаз, изготовление ортопедических протезов, организация похорон, приобретение продуктовых наборов, помощь при оплате коммунальных услуг, выплата заводской пенсии, помощь инвалидам производства, чествование юбилейных дат рождения. 16 сентября 1993 года было принято Решение профкома № 469/83 «О создании комиссии Фонда милосердия и здоровья».

В первые годы работы Фонда численность неработающих пенсионеров со стажем более 20 лет была незначительной, и выплаты разовой материальной помощи приурочивались к каким-либо праздникам. Для примера: 17 октября 1991 года таким пенсионерам была выделена помощь в размере 200 рублей.

После преобразования ПО «Ангарскнефтеоргсинтез» в акционерное общество открытого типа «Ангарская нефтехимическая компания» (приказ №26 от 27.01.1994) 28.12.94 было зарегистрировано общественное объединение «Общество милосердия и здоровья», с этого времени стал заключаться «Договор – соглашение» с акционерным обществом «Ангарская нефтехимическая компания» в лице генерального директора с одной стороны и Обществом милосердия в лице председателя общества с другой стороны.

10 марта 1995 года Фонд милосердия и здоровья был переименован в «Общество милосердия и здоровья». Устав Общества был зарегистрирован в Управлении юстиции администрации Иркутской области 28 декабря 1994 года (№357). 10 ноября 1995 года была зарегистрирована общественная организация

• Геннадий Иванович БОГОМОЛОВ

«Общество милосердия и здоровья нефтехимиков г. Ангарска». 26 января 1996 года была разработана программа «Забота» на 1996-2000 гг. В это время в списках Общества милосердия состояли 8400 пенсионеров, 682 участника войны и 1590 участников трудового фронта. 6 апреля 1995 года из-за болезни Богомолова Г. И. (скончался 4 мая 1995 года) обязанности председателя Общества были возложены на Шагалова Е.Е., который бессменно руководил до IV квартала 2007 года (скончался 13.02.2008).

В это время, и затем на протяжении многих лет, бухгалтерский учет и всё, что связано с выплатами материальной помощи, осуществляет **Шергина Татьяна Валерьевна**. Эта работа считается основной, ответственной и результативной. С февраля 2008 года по февраль 2009 года

• Актив Общества милосердия и здоровья нефтехимиков г. Ангарска (фото В. Григорьева)

временно исполняющим обязанности председателя был **Макаров Юрий Александрович**. На отчетно-выборной конференции Общества милосердия и здоровья нефтехимиков г. Ангарска 4 февраля 2009 года членом комиссии и председателем Общества единогласно избирается **Лобода Лариса Григорьевна**. Контроль за работой Общества постоянно осуществляется руководством и отделами компании, органами юстиции администрации Иркутской области, налоговой инспекцией, ревизионной комиссией, которую возглавляет **Сенотрусова Раиса Григорьевна**.

Непосредственно на предприятиях избраны 32 комиссии, которые как первичные общественные организации входят в структуру Общества милосердия нефтехимиков. Эти комиссии постоянно получают всю оперативную информацию по выплатам и перемещению пенсионеров, состоянию списочного состава и т.д.

В октябре 1999 года впервые начали отмечать День пожилого человека, каждому пенсионеру была выплачена материальная помощь (на эти цели были потрачены более 5 млн. рублей). Эти ежегодные выплаты осуществлялись до 2012 года, и до настоящего времени остались у категории пенсионеров со стажем работы от 10 до 20 лет, им выплачивается материальная помощь четыре раза в год по 1000 рублей. Пенсионерам со стажем работы в компании более 20 лет эта сумма включена в ежемесячную выплату корпоративной пенсии (с 2012 года так называемая «заводская пенсия» стала называться «кооперативной пенсией» с выплатой через «Нефтегарант» (Москва) на сберегательные книжки пенсионеров). За Обществом милосердия и здоровья нефтехимиков по этим категориям пенсионеров закреплены составление персональных данных, их корректировка, сбор копий доку-

ментов по запросу и отслеживание своевременной выплаты, сверка списочного состава.

30 января 2009 года было подписано дополнительное Соглашение №1 к Договору благотворительного пожертвования №260 от 9.01.2008, и общая сумма на 2008 год составила 37 071 080 рублей.

Общество милосердия и здоровья нефтехимиков в настоящее время производит выплаты пенсионерам со стажем работы от 10 до 20 лет, ветеранам Великой Отечественной войны и трудового фронта, на празднование Дня Победы 9 мая, погребение.

Данные выплаты ежегодно увеличиваются. Так, на День Победы в 2010-м году сумма составляла 5000 рублей, в 2017-м году – 10 000 рублей; на погребение первоначальная сумма составляла 1000 рублей, а в 2017-м году – 28.400 рублей; материальная помощь по статье «Заводская пенсия» в 2010-м году была 4.800 рублей в год, в 2017-м году выплата производится в размере 11.340 рублей в год.

С мая 2012 года заслуженным пенсионерам, получившим звание «Почетный ветеран АНХК» (42 чел.) и занесенным в «Книгу почета» (188 чел.) месячные выплаты материальной помощи увеличены соответственно до 2553 и 1915 рублей.

Численность неработающих пенсионеров, вышедших на заслуженный отдых в настоящее время, составляет 8499 человек (с учетом вышедших на корпоративную пенсию). Руководство АНХК и специалисты объединенного профсоюзного комитета находят возможность привлечь пенсионеров к активному образу жизни, организуя встречи в ДК «Нефтехимик» по самым актуальным вопросам, касающимся жизни пенсионеров, и сопровождая их развлекательными мероприятиями. А знаменитые вечера трудовой Славы, декада инвалидов, День пожилого

человека, праздники работников нефтяной и газовой промышленности, День Победы!..

В последние годы оживилась экскурсионная работа с участием пенсионеров: цирк, органнй зал, православные церкви, исторические места Иркутска, а также многократное посещение парка деревянных скульптур «Лукоморье» в с. Савватеевка Ангарского района.

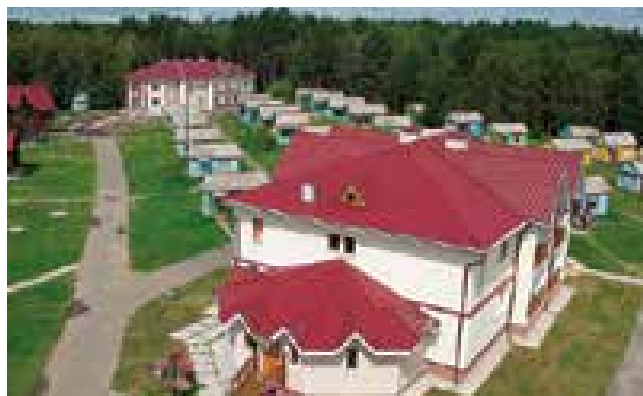
Остаются поездки на промышленную площадку АНХК с посещением цехов и производств, на которых многие годы работали наши пенсионеры. Ежегодно участники войны и трудового фронта направляются на оздоровление в санаторий – профилакторий «Родник». Многочисленные выезды организуются на наши замечательные базы отдыха «Ангара», «Утулик», лагеря «Юбилейный» и «Здоровье», где пенсионеры посещают массу мероприятий.

Надо признать что не все периоды в работе общества были безоблачными, частая смена собственников (НК «Сиданко», «Ринко», «Юкос», «Роснефть») приводила к тому, что не выплачивалась в продолжительные периоды заработная плата, начались попытки обанкротить компанию по схемам, которые успешно в те годы действовали на многочисленных предприятиях России. Особенно тяжелыми по поддержке неработающих пенсионеров были 1997-1999 годы, когда генеральным директором АНХК был Константин Николай Павлович. Сделать банкротом нефтехимическую компанию не удалось благодаря большой сплоченности и силе коллектива, солидарности профсоюзов.

■ Ю.А. МАКАРОВ,
фото из архива Музея
трудовой славы АНХК

● База отдыха «Утулик»

● База отдыха «Ангара»

Письмо в редакцию

Ольга УСТЮГОВА: «Проблема – не в картинах и экспедициях Николая Константиновича!»

«Здравствуйтесь, редакция уважаемого мной журнала «Признание»! Хочу поделиться своими переживаниями, вызванными отношением к культурному наследию Николая Константиновича РЕРИХА – тем более, что человек я к этому более чем причастный: являюсь руководителем городской общественной организации «Ангарское Рериховское общество». То общее состояние, в котором пребываешь после общения с некоторыми людьми, можно кратко описать как шок. Многие из них повторяют однажды кем-то сказанную клевету на русского художника Н.К. Рериха, демонстрируя элементарное незнание сути вопроса!

...А между тем, когда читаешь статьи, книги и дневники Николая Константиновича Рериха, когда смотришь его картины – изумляешься широте знаний, всеохватности, простоте, глубине и ясности мысли. Когда знакомишься с его деятельностью – захватывает дух от масштабности и размаха всего сделанного и созданного. Более 20 лет я изучаю наследие Рерихов, и все силюсь понять, какую «тайну» пытаются навязать русскому художнику? О какой «мистике» и «эзотерике» идет речь?

В 2012-м году Российской государственной библиотекой был опубликован пятый выпуск таблиц ББК (библиотечно-библиографическая классификация), в котором все философские работы Рерихов, а также исследовательские работы об их наследии переведены в отдел «Философия». А книги Рерихов и исследовательские работы, посвященные их творчеству, в зависимости от содержания могут находиться в отделах: «Искусство. Искусствоведение», «История. Исторические науки», «Культура. Наука. Просвещение».

Так где же они – «тайна», «мистика» и «эзотерика»?

В созданных Николаем Рерихом картинах? А их более семи тысяч! Каждая картина рассказывает нам либо об историческом событии, либо о предании старины или библейском сюжете...

В проведенных им экспедициях? В первой, прошедшей по древним русским городам, итогом которой стал Пакт Рериха, ратифицированный юридический документ о сохранении культурных ценностей? В основанном научно-исследовательском институте по результатам Центрально-азиатской экспедиции, длившейся пять лет и прошедшей по труднодоступным и ранее никем не исследованным районам Азии? В Маньчжурской экспедиции по сбору семян засухоустойчивых растений?

Что именно не дает покоя клеветникам? Пост директора Санкт-Петербургской Императорской академии художеств? Звание академика Российской Академии художеств? Звание статского советника или, может быть, круг общения Рериха? А это Стасов, Дягилев, Куинджи, Р. Тагор, Дж. Неру, св. Иоанн Кронштадтский, княгиня Тенишева и другие!

Мне говорят, что Рерихи преданы церковью анафеме... Верно, отлучены – вкупе с Львом Николаевичем Толстым, а еще с Жанной Д'Арк, Джордано Бруно и прочими, прочими, прочими! Дает ли это хоть какое-то право приравнивать Международный Центр Рерихов и рериховские общественные организации к организациям религиозного толка? Логика ответа очевидна: нет.

Несмотря на всё это, растет популярность нашей общественной организации! В нашем городе о её деятельности рассказывает ваш журнал – и у меня есть настоящий повод гордиться тем, что нашу деятельность оценивают люди думающие. А вот далеко неполный список людей, сотрудничество с

• Н.К. Рерих

Светлана ВЕРЕЩАКОВА, г. Ангарск

Лестница в небо

(продолжение, начало в №34)

«...Даже уехав из этого города, сменив так называемое «место регистрации», он часто возвращался сюда. Здесь оставалась матушка, друзья, гранитные памятники, – все то, что классик жанра именует «дымом Отечества», который нам «сладок и приятен», тем более что память избирательна, отсеивает плохое, оставляет хорошее, поэтому возвращаться было не в тягость. Он возвращался, как возвращаются к преданной женщине, которая всегда рада твоему внезапному появлению на пороге своего одинокого дома. Начинает суесться, охает, причитать, целует тебя радостно, попадая теплыми, мягкими губами куда придётся: в щетину щёк, в нос, в устало прикрытые веки. А ты стоишь умиротворенный и довольный собой, обнимая и прижимая к себе это ласковое создание, по которому тоже скучал, где-то там, за тридевять земель, в другом мире, в других обстоятельствах, в другом окружении.

Все пять часов непрерывного полета в этот город ему было приятно осознавать, что его ждут, он ощущал где-то под ложечкой волнительную дрожь, вызванную предчувствием удивленных улыбок от своего возвращения. Дрожь совсем легкую, как дрожь капли дождя в лесной паутинке бабьего лета под дуновением ветерка, гуляющего между соснами, трепетно-сладкую, как в те далекие годы, когда был совсем юным и собирался с духом, чтобы поцеловать соседскую девчонку – царевну дворового сообщества.

Спускаясь по трапу к подернутому утренним инеем асфальту, и шагая дальше, мимо стеклянного здания аэровокзала, которых в подобии своём было множество на всем пространстве бывшего Советского Союза, он знал, что его встречают. Что через несколько минут он упадёт в крепкие объятия «братвы», будут короткие вопросы, короткие ответы, скупые, немногословные комментарии к каким-нибудь «разборкам», «стрелкам» и прочим атрибутам жизни шпаны конца XX-го века, еще не утратившей воровской романтики и остатков веры в справедливость. Вдыхая приятный и обычный для этого времени года морозец, он поспешил к мигнувшей дальним светом за воротами летного поля большой и дорогой машине с тонированными стеклами. «Растет благосостояние народа, – сказал он самому себе, – растут пацаны. Это радует».

– Как обычно? – спросил его водитель, разгоняя машину по заиндевевшему асфальту.

– Конечно, – ответил он, вглядываясь в мелькающие за окном первые, покрытые туманной дымкой дома города, присоседевавшему к себе аэропорт...

Он знал, куда и к кому надо ехать в первую очередь. Сначала к тем, кому мы уже не нужны, а они для нас, чем дальше во времени – тем дороже. Человеку достаточно не делать тебе ничего плохого, а уж хорошие-то качества мы, после того, как его не станет рядом, разовьем до абсурдного неприятия, оправдывая тем самым свою избирательность в последующем общении с людьми, все реже и реже допуская кого-нибудь к себе, нежели делали это в молодости. Может, старость поэтому и называют «одинокой» – человек с годами устаёт разочаровываться в людях, остается наедине с самим собой, а от себя самого избавиться труднее, чем от посягающих своим общением на твое самолюбование, или самокопание, – уж кому что дано. Всё надоедает, в том числе и люди, а потом, наверное, и сама жизнь...

...Тому, к кому он ехал в первую очередь, жизнь надоесть не успела. Его «увольнение» и по сию пору оставалось для него загадкой, разгадать которую с годами становилось все труднее, так

как «устраивали» и тех, кто мог иметь к этому печальному событию какое-либо, пусть даже опосредованное, отношение. Некоторые умирали сами, вернее, по другим причинам. Из тех, с кем он существовал в криминальном мире, застрелили троих, один погиб в автокатастрофе при популярных в то время обстоятельствах – после кабацкого разгула, с девчонками на заднем сидении «длиннокрылой девятки». Он остался один. Впрочем, одиночество его никогда не страшило, да и остаться одному, реально, у него никогда не получалось. Будучи на вид человеком компанейским и общительным, он после нескольких часов «словоблудия и вакханалии» суесться, болтающих ни о чём образов, уставал от них. А может, уставал подыгрывать им. Уставал казаться кем-то, быть не самим собой, ему хотелось уединения, тишины, он начинал спешить в свой уютный собственный мир, в мир семейный, который очень ценил и оберегал, который создал как-то незаметно для самого себя, «по ходу пьесы». А может, этот теплый мир создала его жена? Что, впрочем, не так уж и важно – он любил туда возвращаться, любил до такой степени, что возвращение стало сутью его психологии, сопровождало его не только в поступках, но и в мыслях. Он начал жить с оглядкой назад, хотя и стремился все время вперед, ставил перед собой, казалось бы, нереальные цели и, как ни странно, умел до них добираться. Пусть даже и со значительным опозданием. «Кто понял жизнь, тот не спешит», – часто повторял он, хотя внутренне не был согласен с этим банальным высказыванием. Но когда «слово изреченное» соответствует нашим мыслям? Ситуация подобная столь же редка, как и та птица, которая «может долететь до середины Днепра». Во всяком случае, в той среде, в которой он вынужден существовал, дело обстояло именно так. Поэтому он никогда и никому не открывался до конца, зная, что, чрезмерно «открываясь», легко пропустить удар между перчаток. А ходить с расквашенным носом он не любил с детства, слишком неприглядным было это зрелище – плачущая жертва. Как и большинство, он не хотел видеть себя «униженным и оскорбленным», потому избегал открытоностей, драк и дураков. Последних в особенности. И это, кстати, было самым трудным.

«Бог мой, с кем приходится общаться...», – вздохнул он сам себе, покосившись на водителя, в пылу диалога с сидящим позади них качка, бросившего: «Не надо эрозничать!» – подразумевая, по-видимому, «иронизировать»...

Через двадцать минут они медленно въехали в кладбищенские ворота.

Ему была поразительна и дорога легкая «придурь» русского человека. В советские времена это место носило праздничное название – «8-е Марта». Поговаривали, что оно прилепилось к кладбищу якобы от соседства с каким-то совхозом, названного так, в свою очередь, начальником-оптимистом. После «перестройки», меняющей всё и вся, сменилось и название погоста: «Берёзовая роща» – красовалась крупная вывеска. «Что ж, тоже неплохо», – подумал он, опуская кожаные подошвы лакированных туфель в весеннюю слякоть, разогретую утренним солнцем. Сунув руки в карманы кашемирового пальто, он не спеша двинулся к черным мраморным обелискам, все более плотно смыкающимся по левую сторону от дороги. «Хм, даже здесь люди стараются поместиться в престижном районе», – пробурчал он, закуривая, – «Неси, что там...», – добавил он громче, вполоборота к машине. «Это нужно не мертвым, это надо живым», – продолжил уже мысленно, ставя граненый стакан на покрытую влагой мраморную твердь. «Прости меня, дочь...», – прочел он последние слова собственного стихотворения, написанного им когда-то в качестве эпитафии своему другу.

– Ну, здорово, братишка... Как ты там?..»

Глава 8.

Длинные коридоры чужой жизни явственно встали передо мной, как только я начала читать повесть. Боль и надежда, любовь и зависть, отчаяние и внутренние противоречия – всё присутствовало на бледных страницах с типографским шрифтом. Особенности характеров героев и их последующие диалоги настолько захватили меня, что я, не отрываясь, поглощала строку за строкой. В тот момент я забыла обо всём на свете и, устроившись прямо на полу среди библиотечных стеллажей, полностью погрузилась в жизнь главного героя. Не оставалась сомнений, что повесть была автобиографична, пусть и написана не им самим, и от этого она ещё больше притягивала меня. Артём словно предстал с другой, совершенно незнакомой мне стороны, и постепенно, с каждой новой страницей, открывался всё больше и больше.

«... Дом, который принято называть «родительским», стоял в старых кварталах города. Кварталы эти были двухэтажны, все еще полны деревьев, хоть и стареющих, вследствие этого нещадно обрезаемых службами «горзеленхоза», немногочисленны, хранили его самого в далеком детстве и юношестве, с ними было связано много волнительного, приятного, наполненного первыми, самыми острыми чувствами.

«Давайте, шпана, увидимся. Спасибо, что встретили. До вечера!», – сказал он в плавно поднимающееся чёрное стекло автомобиля, повернулся, и зашагал к подъезду, по ходу легко перепрыгивая через маленькие лужицы, отставляя чуть в сторону руку с лёгким саквояжем. У входа он обернулся на детскую площадку, расположенную перед домами, заметил, что исчезли деревянные баскетбольные щиты, а теннисный стол лишился нескольких досок, от чего стал напоминать две высокие скамьи без спинок. В прошлый приезд он не обнаружил остатков песочницы – на её месте была простая куча песка, наполовину уже растасканная, видимо для кошачьих туалетов. Сейчас осталось только желтое пятно. «Ладно, хоть мусорные баки никто на дачу не упёр», – глянул он на привычное соседство и открыл дверь. На площадке подъезда, хранящей летом прохладу, а зимой – тепло, было, как всегда, чисто и тихо. Чуть выше панели ядовито-зеленого цвета висел график уборки подъезда жильцами. Соблюдался он безоговорочно. И уже не первый десяток лет. И практически не менял фамилий участников. Дверь родительской квартиры, в отличие от соседских, была самой скромной, поставленной еще при сдаче дома, остальные жильцы уже обзавелись вторыми – металлическими. Звонка у них тоже никогда не было. Они стучались и по стуку распознавали, кто пришел. Почтовый ящик, закреплённый на выступающей филёнке дверного полотна, хранил семейно-родственную тайну: просунув пальцы в небольшое пространство за ним, можно было обнаружить короткий гвоздь, на котором, если дома никого не было, всегда висел ключ. Они не изменяли этой традиции даже теперь, когда наркоманы в поисках хоть какой-нибудь наживы стали нещадно обирать квартиры, а заодно и кладовые в подвалах старых домов. Ключа на привычном месте не оказалось: слишком рано, чтобы куда-нибудь уходить. Он постучал...

– Здравствуйте! – произнёс, чуть растягивая приветствие.
– Здравствуй, сынок! С приездом! Как долетел?
Они обнялись.
– Нормально, мама. Слава богу. Меня встретили.
– На кладбище заезжал?
– А ты как знаешь? Водкой пахнет?
– Конечно.
– Был, ага. У наших у всех всё нормально. Лежат.
– Да уж, понятно. Отбегали свое. Давай, руки мой, чайку попей.
– Спасибо, мама, чай – не водка...

Он сильно походил на мать. Внешне. Насколько они похожи внутренне, он так пока и не понял – как-то был все время слишком занят самим собой. Да и чтобы понять, надо было сблизить-

ся, а с возрастом жизнь их все более отдаляла. Тех дней, которые они, в силу разных обстоятельств, проводили вместе, было явно недостаточно для того, чтобы можно было сделать полноценные выводы о схожести их характеров. Таких людей, которые знали бы хорошо и мать, и сына, рядом, как правило, не оказывалось. Единственно, жена иногда бросала вскользь, что характером он в мать, такой же вредный. Он относил это к противостоянию невестки и свекрови, к привычному женскому ассоциативному мышлению, не воспринимал этих слов всерьёз, полагал, что и сказаны они скорее шутя.

Если во главу любви ставить благодарность – он любил свою мать. Если в основу взаимопонимания и случающейся духовной близости ставить количество пережитого горя – он понимал свою мать, как никто; был ей близок. Понимать и любить для него были понятия если не тождественные, то уж никак не существующие раздельно. Он не относился с трепетом к тому, что мама его родила – для него это нечто само собой разумеющееся – куда денешься. Он, наверное, любил ее за то, что она любит его. Кроме того, он называл любовью несколько иное чувство, больше применимое к отношению между мужчиной и женщиной. Он никогда не мог точно сформулировать, что он испытывает к матери, как назвать это чувство, это больше, чем чувство – кровную связь, но знал одно – ему будет очень больно потерять её. Он ужасно не любил похорон и старался их избегать. Не хотел видеть умершим того, кто был дорог и оставлял его. Просто не желал ничем затенить образ живого человека, оставшийся в памяти. А уж по отношению к матери боялся даже думать о том, что когда-нибудь она его бросит, эта маленькая, теперь уже совсем седенькая старушка, добро и приветливо улыбающаяся ему при каждой встрече. Внутри всё сопротивлялось мысли о неизбежной утрате. Но он не умел, как и все в их семействе, высказывать ту нежность по отношению к близким, которая, вероятно, жила в каждом из них, и которую полагалось бы проявить в эти годы, когда тень грядущего прощания прорисовывалась всё чётче – не был научен открытому проявлению чувств. У них в семье это было не принято. А может, он просто не помнил этого. Не помнил себя маленьким. Став взрослым, считал, что его не доливали в детстве, хотя и подумывал, что это не так, что просто успел забыть обязательные ласки и тисканья, поглаживания и прижимания, такие естественные при демонстрации эмоций. Во всяком случае, на детских фотографиях его лопоухая физиономия всегда счастливо улыбалась, и кому, как не маме, должно говорить: «Спасибо, за наше счастливое детство». А теперь у него свой, почти взрослый ребенок, и он, конечно же, любит его. Любовью родителя к чаду.

В квартире с годами практически ничего не менялось. Обстановка была предоставлена сама себе, старела и ветшала вместе с хозяйкой. Хранила на себе отпечатки былых событий. Как на лице человека появляются морщины, так и в обстановке появлялись едва заметные следы «жизненного опыта»: какие-то сувенирчики, небольшие фотографии в рамках, прочитанные книги, но в целом это было все то же лицо, «молодающееся», разве что за счет переклеиваемых время от времени обоев. Две комнаты, малюсенькая кухня, большая чугунная ванна – всё это его отец получил от стройки в середине 60-х годов.

Город в то время строился обильно и щедро, главным образом за счет «трудовых резервов» – вокруг города стояло более десятка лагерей самых разных режимов: от «малолетки» до «рябого». Колонны в серых бушлатах ежедневно, по утрам и вечерам, кроме воскресенья, появляющиеся на улицах города, представляющего собой скорее сплошную строительную площадку, были не редкость – привычное явление. «Запретки» располагались обильно, кочевали по городку, делили его на квадраты и прямоугольники, оставляя после переезда готовые здания, разные по стилю и предназначению, но сделанные одинаково добротно, «на века».

Дом, на первом этаже которого его отцу выделили квартиру, тоже был «комсомольской стройкой», как и все старые квартала города. Сам он новоселье помнил слабо, разве что в памяти отложилось вручение богатого подарка отцовской и маминой родни – небольшой, купленный вскладчину, черно-белый телевизор «Рекорд». Впрочем, цветных тогда и не существовало. Чтобы как-то

украсить серую картинку, к телевизору прилагалась прозрачная трехцветная пленка, легко закрепляемая поверх экрана: голубой верх, красная середина, зеленый низ. Мерцающая картинка единственной в стране студии сразу становилась веселой. Соседи приходили к ним по вечерам, чинно рассаживались напротив редкой вещи, а уходя, говорили: «Надо же!». Собрания эти для него были привычны. Многие годы спустя, уже в его собственную квартиру, соседи приходили смотреть «видюшник», стоящий по новым временам чуть ли не столько же, сколько «Жигули», и не каждый обыватель мог себе позволить подобную роскошь...

Ещё до этого, когда по приезду в город они снимали большой, бревенчатый дом в пригородном поселке, у них тоже стоял подобный «атрибут технической революции», правда, экранчик у него был размером с пачку соли по 10 копеек, зато какая линза располагалась перед этим экранчиком, – своего рода круглый, плоский аквариум, наполняемый водой. Чудо сие называлось «КВН». Как уж это расшифровывалось на самом деле, он не знал, но взрослые, смеясь, говорили: «Купил, включил – не работает». У них телевизор работал, и работал хорошо, собирая вокруг себя достаточно обширную, любознательную и удивлённую новшеством соседскую аудиторию.

Он помнил себя маленьким, в шортах и чулках на пажах, в белой рубашке, стоящим напротив телевизора, упершись подбородком на круглый стол на резных ножках, покрытом накрахмаленной скатертью, на которую стекали слезы с его круглых щек. До того ему было жалко дяденьку, который негромко, но как-то очень по-родному и по-настоящему пел о том, что «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью». Он стеснялся своих слез, боялся, что взрослые их заметят, убежал в другую, темную комнату деревянного дома и там уже плакал вволю, обещая отомстить «проклятым немцам» и, надеясь, что ему тоже дадут медаль, как и дяде – «За город Будапешт». Куда девался этот первый, огромный телевизор после их переезда в новую квартиру, он не знал, а спросить об этом у матушки как-то забывал...

Он знал, что дом этот, располагавшийся на улице Московской (улиц с таким названием в городе почему-то было две), они могли купить тогда за сравнительно небольшие деньги. Заняв-перезаняв у родни, в рассрочку. Но его отец не стал этого делать, дождавшись очереди и получив эту скромную квартирку, из которой его и проводили в последний путь почти сразу после выхода на пенсию. Не осознавая, хорошо это или плохо, что отец не стал связываться с хозяйством в городской черте, не придавая этому никакого значения, он наслаждался последними днями «деревенской» вольницы. С упоением гонял на ярко-оранжевом велике по укатанной грунтовке вдоль десятка таких же домов за крепкими заборами с резными воротами и калитками, с выглядывающими из-за черемуховых и сиреневых кустов крышами. У них во дворе тоже был черемуховый красавец, казавшийся ему в ту пору целым дубом, вокруг которого можно было смело обвить золотую цепь. Отец смастерил на разлапистых, толстых ветках маленькую скамейку, на которой мама частенько сидела летом, в окружении зрело-изумрудной, бархатистой, вздрагивающей от легкого ветра зелени, штопая натянутые на деревянную ложку или на электрическую лампочку, – отчего это зависело, ему было неважно – носки или белье. Пришивала лямку или пуговицу на шорты, в которых ему предстояло на следующий день шагать в детский сад, в сопровождении большой восточно-европейской овчарки, на которую он иногда забирался, если считал, что дорога до детского сада очень тяжела, или хотел показать одноклассникам, какая у него замечательная, умная и смиренная собака, а сам он, если не Чапай, то уж гусар – непременно. Поездками этими, однако, он не слишком часто пользовался. Ему казалось, что после них у собаки, имевшей и без того какие-то печальные глаза, они становились еще грустнее, наполнялись влагой, и ему становилось её жалко. Он не хотел, чтобы она заплакала так же, как и он плакал от жалостливой дяденькиной песни. У калитки детского сада они прощались, он говорил ей: «Домой!», и она, оглянувшись пару раз, будто хотела убедиться, туда ли он пошел, неторопливо убегала, чтобы вечером сидеть и ждать его у той же калитки, вздрагивая острыми, стоячими ушами. В отличие от телевизора, судьба собаки после переезда была ему известна. Он

помнил, что в доме очень переживали, что её нельзя будет взять в новую квартиру. Особенно его старший брат был расстроен необходимостью расстаться с ней, так как для него эта овчарка была, наверное, бОльшим другом. Младшему терпеливо растолковали, что собаку отдали «служить на границу», чем он очень гордился – на границу брали только самых умных и сильных. Во всяком случае, Борькиного попугая, пусть он даже и очень красивый, на границу бы не взяли. Вот и пусть он им не хвастается, пусть остается с ним в своем посёлке, а наша семья поедет в город, и без разницы, что посёлок – тоже город, даже названия у них одинаковые. В городе, как никак, туалет не на улице, и печку топить не надо, ладно – топить, не надо даже перед сном угли разгребать и заслонку прикрывать, чтобы тепло через трубу в морозное небо не уходило. А то отец однажды забыл пьяный угли разгрести, и мамка потом среди ночи вытаскивала их с братом на мороз, ругалась, что чуть не угорели, хотя ему никак не казалось, что они «чуть не угорели» – спал да спал себе спокойно. Он считал, что квартира – это хорошо, что в новой, городской квартире отец не будет пьяно буянить, – ведь там нет стайки с поросятами, а значит, им с мамой негде будет прятаться. Вот так и уехали. А потом этот дом снесли (он так думал – на самом деле дом стоял на том же месте, просто Артём маленький и Артём взрослый по-разному видели предметы), и он, будучи постарше, катаясь по трамвайной ветке, проложенной по окраине поселка, уже не видел ни черемухового куста, ни стайки, ни соседского дома, где жил Борька со своим попугаем... Улица Московская осталась одна, и только в городе (и даже название своё не поменяла!).

На новом месте ему не было тесно. У них со старшим братом была своя комната. Родители купили модную мебель, в том числе и секретер, на откидной дверце которого они по очереди делали уроки: брат свои – серьезные и взрослые, а он свои – лёгкие. Пару раз он проливал чернила на неполированную поверхность дверцы, следы от них навечно въелись в дерево, но уже во втором классе чернила отменили, учителя сказали родителям купить шариковые ручки, и у него пропала нужда носить в школу холщовый мешок с чернильницей, правда, и возможность мастерить из перьев дрозтики тоже. Зато стало можно вытаскивать из ручки стержень, жевать промокашку из ученической тетради и, незаметно для учительницы, перестреливаться с соседними рядами, – всё под рукой.

Школа, в которую он пошел первоклашкой, в светло-сером, из толстого сукна костюме, располагалась через дорогу, на другой стороне квартала. Была чуть больше дома, в котором они теперь жили, но вместе со сменой чернил на шариковые ручки им поменяли и школу, переведя ее в другое, большое трехэтажное здание, со спортивным залом, со светлыми, высокими окнами в классах. Ходить стало на один квартал дальше, но это окупалось тем, что по дороге на занятия он свистел под окнами одного одноклассника, чтобы вместе свистнуть под окнами другого. Так и свистели до середины десятого класса, пока он не был «сослан» родителями к родной маминой сестре на другой конец страны, дабы получить аттестат без троек, избавиться от ненужных и неправильных товарищей, от неожиданно появившихся подруг, доступных и ласковых, в коротких юбках, с болгарскими сигаретами и прическами «гаврош». Словом, вообще закончить школу, как таковую... Он уже считал себя тогда взрослым. Очень. Это тогда. А теперь ему было жалче мать более всего, именно из-за той, своей рано начавшейся взрослости.

Втиснувшись в пол-оборота на стул с гнутой, круглой спинкой, стоявшим у окна между раковиной и крохотным кухонным столом, он пил чай, слушал матушкины разговоры о своей племяннице – дочери старшего брата, рано потерявшей своих родителей и выросшей в доме своей бабушки. Она не доставляла своим существованием каких-либо хлопот, но и не радовала особыми успехами в жизни. Ему было знакомо и привычно ворчание мамы на то, что внучка её не слушает, что слишком самостоятельна и всё делает не так, как следовало бы делать в её возрасте.

«Мам, ну она ведь уже совсем взрослый человек, ей лучше знать, как двигаться. Девочка-то хорошая. К тому же, ты сама её воспитывала, что теперь жаловаться», – сказал он, глядя в окно, за которым были видны еще не зазеленевшие, голые тополиные ветки.

«Весна скоро», – добавил, выдержав короткую паузу, возникшую непроизвольно от его задумчивого взгляда на улицу. «А Пасха в этом году когда?».

Мама ответила и сама поинтересовалась: «Надолго ты в этот раз?».

– А что, уже успел надоесть? – отшутился он и сразу добавил, – Видно будет, мама. Как сложится...

Пребывание его в этом городе зависело от многих обстоятельств, носило непредсказуемый характер, он никогда точно не знал, на сколько он приехал, а иногда не мог сказать – зачем. Ему просто нравился этот городишко, с ровными квадратами старых кварталов и хаосом пыльных новостроек, его здесь помнили и любили многие, а он помнил и дорожил многими. У него оставалась здесь, как бы «своя», большая квартира в новых микрорайонах. Уже проданная бывшему крупному партийному работнику, вовремя сменившему амплуа на волне «перестройки», зарабатывающему хорошие деньги на спекулятивных сделках, но все еще недостаточные для того, чтобы рассчитаться за приобретенную жилплощадь, довеском к которой служил подземный гараж, расположенный пятью этажами ниже. Он по-прежнему называл эту квартиру своей, приезжая, жил там: позволяло количество комнат, отношения с новым владельцем, относительное одиночество этого владельца. Не оформившийся хозяин был даже рад его приездам, пропихивал какие-то новые контракты, используя старые связи владельца бывшего, к тому же, по вечерам было с кем опрокинуть рюмку-другую коньячку.

– Ма-а... Я поеду к себе, приму ванну, выпью чашечку кофе...

– Пирожки возьми с собой. Хозяина угостишь.

– Да нельзя ему пирожки, он и так толстеть начал! Заеду позже, сам съем, поужинаю, с племянницей любимой пообщаюсь.

– Ну, давай, сынок. Будем ждать.

– Спасибо, мама! Я знаю, что будете ждать. Я вас тоже люблю...

Выйдя из дома, он чуть задержался на бетонном, железно-цементом крыльце, ещё раз осмотрел двор своего детства, что-то припоминая, и неторопливо зашагал в сторону улицы, когда-то обильно засаженной тополями, а теперь утыканной по краям убогими чурочками с едва обозначившимися побегами новых веток. Улица эта была короткой и не широкой, пролегла между двумя кварталами. Грузовые машины могли спокойно развезти на ней, не более того. Да и нужды в этом не было, машины появлялись здесь нечасто – в годы его детства транспорта у населения в личном пользовании практически не было, а из грузовых здесь только «мусорка» и ездил; дважды в день, – утром и вечером, ныряя между домами во дворы, сигналя длинно и протяжно, дескать: «Несите свои ведра, выбрасывайте мусор». Жильцы спешили из подъездов – женщины в домашних халатах, мужчины преимущественно в синих трико, вытянутых на коленках, в белых майках или фланелевых рубашках с закатанными рукавами, детвора, – в чем уж их застала эта обязательная процедура. Взрослые здоровались между собой, перекидываясь парой обычных фраз: хозяйки о домашних делах, мужики – договариваясь о вечерней игре в домино или, обсуждая перипетии последнего футбольного матча, прошедшего на городском стадионе, а шпана интересовалась друг у друга: «Уроки сделаешь, выйдешь?». Длинными, светлыми летними вечерами жизнь их двора наполнялась гомоном ребятни, стуком доминошных костяшек, бульканьем разливаемого взрослыми из эмалированного бидончика «Жигулевского» пива, терпким запахом папирос: «Беломора» или «Севера». Как неременный атрибут их двора: два фронтовика в пиджаках с орденовыми планками и нардами на скамье.

Когда сумерки начинали сгущаться, всё чаще можно было слышать: «Витя, домой! Саша, домой!». По срывающимся с места игр мальчишкам было легко определить, кого и как зовут. Са-

мые отчаянные и неугомонные из них кричали в ответ: «Ща-а, ма-а!», и продолжали, но уже с долей некоторой обречённости, резать ножами «Белочка» расчерченные на земле круги, если, конечно, складшок втыкался в податливую почву после умелого броска «с руки», «от локтя» или, что было уже «высшим пилотажем» – от кончика носа или ото лба. Когда обладатель «сокровища», – ножа за рубль двадцать с пластмассовыми накладками на ручке, изображавшими белку или пантеру, – уходил, оставшаяся подростковая публика начинала плавно перемещаться в сторону беседки, куда, по мере того, как время близилось к десяти, подтягивались «старшие». Они держали за грифы свои «шестиструнки», пыля клешами, висящими на бедрах, и вскидывая кивком головы длинные чёлки.

Оба конца тихой улицы упирались в другие, более оживленные. Одна из них пролегла вдоль парка имени каких-то там пионеров и, время от времени, тренькала звонками проезжающих по ней трамваев. Другая отделяла городскую окраину от начинавшейся прямо за ней производственной зоны: автопредприятий, мастерских и прочего хозяйства, той области, которая в детстве казалась им «Терра инкогнито», манила, прячась за высокими заборами с колючей проволокой и сторожами. В эту сторону улочка имела пологий спуск, начинавшийся как раз от его дома. Он хорошо помнил, как они, как раз в пору, когда весёлое весеннее солнце топило остатки снега, сваленного на газоны, разделявшие улицу и тротуар, пускали по текущим обильным или скудным ручьям, в зависимости от погоды, кораблики, выточенные из сосновой коры, с бумажными парусами, насаженными на спички.

Снег таял быстро, щедрую воду впитывали газоны, изрезанные венами тополиных корней, а сухой асфальт в эти мартовские дни покрывался светло-коричневыми полосами, оставляемыми корой, которую мальчишки отдирали от стоявшей тут же сосны-мученицы, тёрли эту кору об асфальт, придавая, таким образом, своим суденышкам совершенную, в их представлении, форму. Пальцы частенько обдирались об асфальт, покрывались ссадинами, но надо было спешить – весна в Сибири бывает очень скоротечной, если речь идет о таянии зимних снегов. Это потом она растягивается, кочевряжится в своей лени и противостоянии северным ветрам. Может не один раз удивить холодами и снегопадом. Но снегопады эти мелки, едва скрывают кляксы проталин и лишь прихорашивают город на несколько часов, скрывая от глаз окурки, фантики и мелкий мусор, сметаемый дворниками с тротуаров в сугробы на протяжении долгих зимних месяцев.

Более всего эта улица нравилась ему летом, когда тополя, отбросив свой пух, успокаивались, становились степенными, смыкались кронами выше проводов, разделяющих улицу на две половины точно по центру. На проводах висели, покачивающиеся даже в безветренную погоду, жестяные розетки фонарей с круглыми лампочками, вспыхивающими по вечерам жёлтым светом, создавался зеленый тоннель, в глубине которого в ночные часы, казалось, оставались жить дневные радости.

Красоту эту он обнаружил не сразу. Она открылась ему, когда он, будучи уже подростком, стал задерживаться в гостях у самой необыкновенной девчонки в мире. Потом спешил домой, ныряя в эти светящиеся тоннели улиц, случалось, летел по ним, – так ему делалось радостно от того, что у него появилась своя тайна, обличённая в прекрасную, юную особу с пшеничными волосами, обрамляющими чудный овал лица. Ему хотелось оттолкнуться от земли и парить бесконечно долго в этих лабиринтах, окружённых темнотой и теплотой летней ночи. Много позже, желтый и зеленый успокаивали его, как никакие другие цвета, но он никогда не думал, что ноги у этой «странности» растут из подростковых воспоминаний, из детства...

(продолжение следует)

**От редактора журнала «Признание»
и автора будущей книги:
ищем заинтересованное лицо
для издания книги «Лестница в небо».
Тел.: 8(901) 666 89 28.**

С надеждами на светлое будущее

Александр Исаевич Солженицын, завершая работу над книгой «Архипелаг ГУЛАГ», обратился к читателям, так или иначе вовлечённым в водоворот этой чудовищной организации, с предложением рассказать о своих заключениях. Автор данного очерка состоял на спецучёте с 4-х летнего возраста, поэтому полагает оправданным описание событий, свидетелем которых был сам и которые не нашли должного отражения в доступной литературе.

Чудовищная эпопея зверств режима, написанная мастером слова, испытанным на себе ужасы ГУЛАГа, можно сказать, лишь приоткрывает завесу «СС» – строгой секретности, – за которой изверги скрывали свои злодеяния. А между тем беспристрастное время неумолимо сглаживает остроту минувших событий, и вот уже не только мои правнуки, но и внуки с удивлением узнают о пережитом своих дедов и прадедов.

Думается, наш гражданский долг – донести до потомков страшную правду о минувших событиях истории нашего народа, сравнимых с кошмаром и гибелью десятков миллионов соотечественников в Великой Отечественной войне. Несоизмеримая разница между этими трагическими событиями, пожалуй, в том, что о битве с фашизмом знают стар и млад, а обсуждать тему братоубийственного истребления собственного народа под фальшивыми лозунгами «строителей коммунизма» желающих не так уж много... С чего бы это? Как, например, можно объяснить, что книгу А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в городской библиотеке за 20 лет запросили лишь 5 читателей? Да и вряд ли хотя бы один из ста опрошенных респондентов назовёт дату Дня репрессированных народов. Именно НАРОДОВ, а не отдельно взятых преступников, осужденных по Закону. Тем и знамениты сталинские массовые репрессии, что для их реализации применение Закона вовсе не требовалось!

По замечанию А.И. Солженицына, «ссылку человечество придумало раньше, чем тюрьму. Изгнание из племени уже было ссылкой». Официально в Рос-

• Александр Чекановский

сийской Империи ссылка была узаконена Соборным Уложением в 1648-м году при царе Алексее Михайловиче. Но ещё раньше, в конце XVI века ссылали опальных каргапольцев, затем угличан, свидетелей убийства царевича Дмитрия. К 1645 году в Сибирь было сослано уже 1,5 тысячи человек. Количество сосланных Петром I насчитывало многие сотни человек. С 1820 года стали ссылать и бродяг, цифра возросла до 10-ти тыс. в год. К концу века в ссылке одновременно числилось 300 000 человек.

Особое место среди узников царского режима в XIX веке в сибирской ссылке следует отнести полякам. Справедливости ради следует заметить, что прогрессивно мыслящие представители российского общества предостерегали правительство о вреде для России в подавлении инакомыслия в среде вольнолюбивого польского народа. Вот что говорил по этому поводу известный политический деятель П.А. Кропоткин: «*России выгоднее иметь Польшу хорошим соседом, чем враждебной подчинённой страной. Польша никогда не потеряет своего национального характера: он слишком резко вычеканен. Она имеет и будет иметь своё собственное искусство, свою литературу и свою промышленность. Держать её в рабстве Россия может лишь при помощи грубой физической силы*».

Но, как известно, обладатели той самой «грубой физической силы» далеко не всегда прислушиваются к голосу разума. Около 19 000 поляков, полураздетые, почти нищие, всё потеряв (от ссыльного Яна Черского отказалась даже родная мать), в 60-х годах XIX века шли в Сибирь на каторгу (например, на Усольские соляные варницы) и на поселения, полные надежд на более справедливое будущее. Но далеко не все политкаторжане безропотно несли свои «тяжкие оковы». Революционно настроенные ссыльные поляки, участники восстания 1863 года, установили связь с подпольем Централь-

• Ярослав Домбровский

ной России, совместно организовали побег Я. Домбровского и П. Юндзилла, вынашивали идею вооружённого восстания против царизма. В Сибири сложился русско-польский революционный союз, который предполагал путём переворота образовать в Сибири Временное революционное правительство, а Сибирь предполагалось назвать Свободославией.

В июне 1866 года группа ссыльных каторжан подняла восстание и объявила себя Сибирским легионом вольных поляков. 30 дней в труднопроходимых горах Прибайкалья шли тяжёлые бои плохо вооружённых повстанцев с правительственными войсками. Казачьим сотням и конно-артиллерийским регулярным войскам противостояли повстанцы, кое-как вооружённые самодельными пиками, ножами, косами, пистолетами, охотничьими ружьями. 4-х руководителей восстания военно-полевой суд приговорил к расстрелу. Руководитель восстания Густав Шарамович, внук генерала русской армии, на суде заявил: «Смертная казнь, которую вы мне уже назначили, будет для меня справедливой за то, что я не сумел лучше руководить восстанием».

Среди польских повстанцев было немало высокообразованных людей и крупных учёных, внесших неоценимый вклад в изучение Сибири. Достаточно назвать таких учёных, как Б. Дыбовский, А. Чекановский, В. Годлевский. Навсегда вписал своё имя в историю изучения Сибири и озера Байкал Ян Черский. Не иначе как огромным научным подвигом можно назвать его труды по исследованию Восточного Саяна и бассейна р. Лены. Сибирская земля всегда будет хранить о них благодарную память. Так же, как о бывшем в 60-70-е годы прошлого века Председателе Иркутского Горисполкома – потомственном поляке Николае Францевиче Салацком, заботами которого в Иркутске был отремонтирован построенный почти сто лет назад костёл и установлен изготовленный в Германии орган (помню,

как был растроган мой престарелый отец, спустя полвека после ссылки услышавший дорогие для каждого католика звуки инструмента).

Большевикам ничего изобретать не понадобилось. Они лишь «творчески» применили существующий опыт предшественников, с учётом личного опыта: как известно, Ленин, Сталин, Дзержинский, Крупская и тысячи других революционеров знали не понаслышке, что такое Сибирь и ссылка.

В ноябре 1929 года Постановлением Пленума ВКП(б) был официально провозглашён переход к коллективизации. Чтобы сломить сопротивление этой коллективизации, по постановлению ЦК ВКП(б) в Украине были раскулачены почти 200 тыс. крестьянских хозяйств. Жестокость ссылки «раскулаченных» многократно усугублялась тем, что их вывозили, как правило, в районы Сибири и Крайнего Севера. После радикальной «зачистки» «контрреволюционного элемента»: священнослужителей, бывших военнослужащих царской армии, чиновников прежнего режима, учёных, пришёл черёд массовым ссылкам по национальному признаку. Технология массового одномоментного принудительного изъятия из родных мест мирного населения к этому времени чекистами была уже отработана. Достаточно было направления указующего перста и отрывистой команды «ФАС!»

Первыми в этом трагическом списке оказались поляки из приграничных с Польшей районов Украины, веками проживавшие на этой территории. Первая волна этой акции была «узкаонена» Постановлениями СНК СССР №11-1-21 от 23 января 1936 года и № 776-120 СС от 28 апреля 1936 года. Содержание первого документа автору осталось недоступным. Известно лишь, что в начале 30-х почти 10 тысяч поляков были выдворены на север как «кулаки» и «антисоветский элемент». В 1935-м году из приграничных районов в Харьковскую, Донецкую и Днепровскую области было депортировано 40 тысяч поляков как «неблагонадёжное население». Их отправили в сёла, больше всего пострадавшие от голодомора.

Согласно переписи населения 1928 года, в Украине проживало 476 тысяч поляков. Причину гнева советской власти в отношении польского населения следует искать как во внутренних, так и во внешних факторах. Характерной чертой сформировавшегося веками польского менталитета было всегда стремление сохранить свою национально-религиозную идентичность и независимость. Поляки не были в восторге от внедрения социалистических форм ведения хозяйства, уклонялись от вступления в колхозы. Какое-то время процент коллективизации в польских сёлах был самым низким.

• Римско-католический костел Успения Пресвятой Богородицы в Иркутске (ныне органнй зал Иркутской областной филармонии)

В начале 30-х годов обозначилась угроза войны. Советское руководство настороженно следило за политическим сближением Польши с Германией. В конце 1935 года на заседании Политбюро ЦК КПБ(у) была создана партийно-правительственная комиссия для организации депортации весной 1936 года 6-7 тысяч хозяйств поляков из приграничных районов «за пределы Украины». По иронии судьбы комиссию возглавил Первый секретарь ЦК Компартии Украины Станислав Косиор, поляк по происхождению (смею предположить, что благодаря участию Косиора в работе комиссии, первая «волна» депортации поляков в 1936-м году прошла сравнительно гуманно: за благовременное оповещение, почти неограниченное количество домашнего скота и т.д.). Последующие «волны» шли уже без этих «сантиментов». Вторым документом ставил конкретные задачи карательным органам. До начала Второй Мировой войны советское руководство считало Польшу потенциальным врагом, с территории которой ведётся подрывная работа против СССР, а приграничная территория, – как благоприятная среда для формирования шпионских баз. Поляки стали одной из первых многочисленных групп населения СССР, которые были переселены исходя из национальной, а не классовой принадлежности.

С февраля 1940 по июнь 1941 года были депортированы 380 тыс. поляков, большинство из них попали на спецпоселение. Кроме того, в Казахстане находилось около 66 тысяч семей репрессированных офицеров и других лиц из Польши. Отличаясь прирождённым трудолюбием, спецпереселенцы-поляки уже к концу 1940 года зарекомендовали свои хозяйства и колхозы как

наиболее успешные. Однако, режим контроля с окончанием войны для спецпереселенцев не был ослаблен. 26 ноября 1948 года был издан Указ о том, что немцы, поляки, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и другие переселенцы в предоставленные районы переселены НАВЕЧНО и что выезд их из мест поселения без особого разрешения органов МВД карается.

Очередная волна депортации для поляков наступила в 1939-40 гг., когда Западная Украина и Белоруссия вошли в состав СССР. Все неугодные советскому режиму были высланы в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. Стандартное обвинение – сотрудничество с польской разведкой, наличие родственников в Польше. В Казахстан шли многочисленные эшелоны семей репрессированных участников повстанческих организаций, офицеров бывшей Польской Армии, фабрикантов и чиновников бывшего польского правительства. Высылаемым разрешалось брать с собой одежду, постельные принадлежности, часть посуды и продовольствия на месяц, хозяйственный инструмент, всего до 500 кг на семью. На сборы – до 2-х часов. Железнодорожная станция оцеплялась конвойными войсками, которые сопровождали составы по 55 вагонов, в каждом по 25-30 человек. Земли для поселенцев предоставлялись малообжитые, материальное положение большинства семей было крайне тяжёлым. Жильё строили из глины, дёрна, камней, копали землянки.

...30 лет минуло после ухода из жизни моих родителей, унесших с собой ответы на многие вопросы, которые я хотел бы им задать, и которые в своё время обсуждать не было принято. Вопрос о национальной принадлежности не возникал, в виду очевидности. По рассказам отца, мой прадед был мелкопоместным дворянином, средним землевладельцем. Будучи учёным агрономом, занимался селекцией зерновых культур. Трём сыновьям он дал музыкальное образование, в качестве органистов они эмигрировали в Польшу. Его четвёртый сын, мой дед Антон, в возрасте 12-ти лет перенёс натуральную оспу, полностью лишившую его зрения. По этой причине ему был передан земельный надел, который он как-то сумел обрабатывать да ещё и воспитывать 4-х детей. После смерти родителей (видимо, от тифа) мой отец в 14-летнем возрасте принял на себя заботу о младших. Семья жила в крайней нужде, особенно в годы коллективизации. Голод и нищета вынудили одного из младших братьев, Казимира, навсегда покинуть семью.

■ С.Ф. ПЕТРОВСКИЙ,
бывший главный врач санатория-профилактория «Родник» АНХК
(продолжение следует)

О знаменитом хирурге из Иркутской губернии

«Воспоминания русского хирурга, революция и две войны» (М.: ООО «АСТ», 2015) – книга нашего знаменитого земляка Фёдора Григорьевича УГЛОВА. Его перу также принадлежат издания: «Сердце хирурга», «Будни хирурга», «Под белой мантией» – популярные медицинские романы.

• Ф.Г. Углов

Фёдор Григорьевич родился 22 сентября 1904 года в деревне Чугуево Киренского уезда Иркутской губернии. В 1923-м году он поступил на медицинский факультет Восточно-Сибирского университета (Иркутский государственный университет). Учёбу на пятом курсе продолжил в Саратовском университете, который окончил в 1929-м году.

По окончании интернатуры работал в Киренске главным врачом и заведующим хирургическим отделением межрайонной больницы водников. В 1937-м году Ф.Г. Углов поступил в аспирантуру Ленинградского государственного медицинского института усовершенствования врачей. После защиты кандидатской диссертации на тему «Смешанные опухоли пресакральной области» (1939) Ф. Г. Углов работал ассистентом, доцентом кафедры хирургии этого института. В 1949-м году он защитил докторскую диссертацию на тему «Резекция лёгких».

Во время советско-финской войны 1939—1940 гг. Фёдор Григорьевич служил старшим хирургом медсанбата на Финском фронте. После начала Великой Отечественной войны на протяжении всех 900 дней блокады Ленинграда он работал в осаждённом городе хирургом, начальником хирургического отделения одного из госпиталей. С 1950 года Фёдор Григорьевич преподавал в 1-м Ленинградском медицинском институте. С 1950 по 1991 год руководил кафедрой госпитальной хирургии, до 1972 года был директором ВНИИ пульмонологии МЗ СССР, создал мощную хирургическую школу, был избран академиком РАМН.

Ф. Г. Углов одним из первых в стране успешно выполнил самые сложные операции на пищеводе, средостении, при заболеваниях легких, врождённых и приобретённых пороках сердца, аневризме аорты. Он является автором изобретения «Искусственный клапан сердца и способ его изготовления». Ф. Г. Углов обладал уникальной хирургической техникой, занесён в Книгу рекордов Гиннеса как старейший практикующий хирург в России и СНГ, он успешно оперировал накануне своего столетия!!

Фёдор Григорьевич скончался 22 июня 2008 года в Санкт-Петербурге на 104-м году жизни, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Наш земляк был награждён многочисленными правительственными наградами. 7 октября 2014 года в Петербурге состоялось торжественное открытие сквера имени Ф. Г. Углова. 7 октября 2016 года у здания Санкт-Петербургского государственного медицинского университета был установлен памятник Ф. Г. Углову. Один из пяти передвижных консультационно-диагностических центров ОАО «РЖД» назван в честь хирурга Фёдора Григорьевича Углова. Состав поезда приписан к Восточно-Сибирской железной дороге, к вагонному депо «Иркутск-Сортировочный».

■ А. СЕРЁДКИН,
А. НАРЧУК

О творческом вечере Надежды МИЛЯЕВОЙ

14 апреля в филиале №4 ЦБС г. Ангарска, в клубе «Трилистник», прошла встреча с интересным человеком – поэтом, автором сборника «Тополиная аллея» Миляевой Надеждой Евгеньевной. Она три года назад серьезно взялась за стихи, и в феврале 2017 года у нее вышел первый поэтический сборник под редакцией В. В. Козлова.

На обложке сборника – зеленая аллея с голубым просветом впереди, на задней обложке – фотография автора со словами Татьяны Суровцевой: *«Первая книга поэта – всегда неожиданность даже для самого сочинителя. Читаю рукопись Надежды Миляевой и вижу главное: страстную любовь к русской поэзии, этот восторг, это изумление! Эти не бесплодные попытки высказать собственную душу в строчках стихов»*. Сборник небольшой, восемьдесят страниц, что, в общем-то, прилично для первой книжки.

Надежда – бывшая ангарчанка, 25 лет прожила в Ангарске, а затем переехала в Иркутск.

Из стихов можно понять, что у нее есть сын, что любимые поэты – Анна Ахматова и Александр Блок, а любимый писатель – Чехов, потому что эти имена вынесены в заголовки стихов. Еще можно вычитать, что автор любит природу и города, в которых побывала, весь жизненный круговорот, очень ценит радость жизни. Она рисует облака и метель, ветер и снегопад, дождь, а также звезды, огонь, сумерки, бабочек, тополя, березовые рощи, дубы, Майю Плисецкую, свои мечты, и даже равнодушна к... Колчаку, у которого, как заметили слушатели, «руки по локоть в крови». Но автор имеет право на свое мнение!

Очень добрый поэт: за окном ее дома есть кормушка, автор не забывает подкармливать пернатых и наблюдать

за их поведением, характеризует: синички – «расторопный народец пернатый», «воробей прилетел на карниз, осторожнее он на поживу – не в кормушку ныряет, а вниз: не до жиру ему, быть бы живу» («Кормушка»). О цветах явно много стихов, особенно о розах, что на даче...

Есть и любовная лирика. И в любви бывают проблемы – «Ссора», «Зачем гневливы карие глаза?», «Может, счастье тихо спит», «Затянуло день серой скукою». И строчки такие есть: «Мы с тобой посмели, мы смогли // уцелеть на нашем поле брани... Чтоб дышать и думать в унисон – долгая и горькая наука» («Залито оконное стекло»). «Отчего в груди зреет боль? // Беспощадна бессонницы муть. // Я с тобой доедаю соль // – пресловутую горькую суть».

В целом, сборник получился жизнеутверждающим, с большой любовью к природе, к близким (матери, сыну), к творчеству, к поэтам, к своим внутренним переживаниям. Но кроме Майи Плисецкой и Колчака, собственно, портретов людей нет, есть отношение к ним и их к автору. Может, это упущение редактора? Должны быть...

Теперь о стихах. Тут всё есть, что должно быть: ритм, рифма, музыкальность, умение просто и доступно донести до читателя свое настроение и переживания. Очень точно переданы ощущения, вкусы, запахи, звуки, цвета. Просто погружаешься и живешь в них, проживаешь жизнь автора вместе с ним, мгновения его жизни, его горести и радости. Стихи трогают, они искренние, добрые, образ автора из них вычитывается обаятельный. Поэзия настоящая. И чувство юмора у автора имеется.

Читать свои стихи автор тоже умеет. Контакт с аудиторией у него есть. Слушали ее с удовольствием, сочувствовали, сопереживали, наслаждались образами, удивлялись точному слову или актуальной теме – в дачный сезон тишина, дети не играют в шумные игры, взрослых тоже не слышно, все за компьютерами. И это стихотворение, с названием «Дачный сезон» понравилось не только мне!

Иногда зрители задавали Надежде Евгеньевне вопросы, из ответов на которые узнали, что настольной книгой у неё является сборник Анны Ахматовой, что тему задает первая музыкальная строчка, и никогда автор не знает, какая будет вторая, во что выльется этот ритм, это настро-

• С мужем и сыном

ение, и всегда это открытие. Надежда Евгеньевна очень ценит поэзию вообще, любит читать... Она переживает, что прочитанное иногда оказывает на нее влияние, но я подражательности не нашла. Ни на кого не похожа! Свежие образы, интересные, нигде не встречаемые метафоры. С моей точки зрения, поэт не начинающий, а вполне профессиональный. Приведу примеры новизны автора: «Небо тяжко, старчески кряхтя, улеглось на дремлющие крыши. То ли снега ждать, то ли дождя?... Небо хмурится, молчит и дышит». Клянусь, о небе-старике нигде не читала, это ново, оригинальный, самобытный образ. Еще пример: «солнце с крыши слизывает снег». Ощущаете на языке вкус снега? Не только запахи, но и вкусовые рецепторы задействованы! Приведу это коротенькое стихотворение целиком. В нем «сосульки причитают слезно» и в «их лепете все мило и чудесно». Кстати, присутствовавший на встрече поэт Александр Иванович ОБУХОВ обратил внимание на много, но неназойливо употребляемое «милый», «мило». Поэтесса сказала, что это любимые ее слова наряду со словами «звезды», «цветы».

*Еще февраль, и по утрам морозно,
Но солнце с крыши слизывает снег.
Уже сосульки причитают слезно
О том, что слишком короток их век.*

*А мне на сердце радостно, как в песне.
Я слезы их ладонями ловлю.
В их лепете все мило и чудесно,
Я просто зиму больше не люблю.*

Слушатели отметили, что стихи душевные. Согласна. И удивляется автор всему, даже бабочке, и в этом много детской непосредственности, что и составляет обаяние сборника. И вообще, исправляясь, скажу, что люди в стихах присутствуют, но чаще где-то за кадром: то за компьютерами, то мимолетно проходят, как безликие: «спешит народ в кромешной суете, // вчерашний снег остепеняя грязью». Вот вам неожиданная, смелая метафора: «в кромешной суете» и еще «остепеняя грязью». С людьми такие отношения: «И очень жаль, не замечали люди // улыбку откровенную мою». Глухие к поэзии люди больно ранят, ничему не удивляются, жаль. Это ведь тебе, читатель, сказано в назидание! Вот этого и хочется поже-

лать автору, как и себе и всем пишущим – читательского внимания и таланта воспринимать поэзию. Разумеется, пожелаю того, что обычно желают и пожелали на вечере – новых книг и вступления в Союз писателей России. Пожелав всё это, ведущая вечера Елена БЛИНОВА поздравила автора, Надежду Евгеньевну Миляеву, и вручила ей диплом от «Трилистника».

И в завершение – стихотворение, которое ярко характеризует автора, его непосредственность, хрупкость, доброту и искренность, оно – ключ к пониманию автора и одновременно назидание всем, не замечающим поэзии жизни:

Бабочка

*Еще вчера всю метель мела.
Сегодня снег оплакивает крыши.
Иду – о чудо! – подбираюсь ближе:
Вот бабочка, красуясь, расцвела!*

*Откуда ты, прелестница, взялась?
Ведь ты – дитя сияющего лета.
Ты – талисман его, его примета.
Беда с тобой, беспечною, стряслась.*

*Ты обманулась, глупенькая. Жаль.
Проснулась безмятежно раньше срока.
Сегодня просто солнца очень много:
Весна глядит в безоблачную даль.*

*Спешит народ в кромешной суете,
Вчерашний снег остепеняя грязью.
Здесь место ли неосторожной разве –
Твоей ничтожно-хрупкой красоте?*

*В ладонях сотворив тебе уют,
Несла в тепло я маленькое чудо.
И очень жаль, не замечали люди
Улыбку откровенную мою.*

Благодарю журнал «Признание», который первым познакомил меня с этим автором, иначе бы я на встречу могла не прийти...

■ Е. ЛАНГОЛЬФ,

фото В.ГРИГОРЬЕВА и из семейного архива Н. Миляевой

• Гости творческого вечера

Мы обязательно поедем праздновать Троицу!

...На этот раз наш путь лежит в старинное село Бельск Черемховского района: давно мечтали посмотреть острог и старинную церковь. Примерно 90 километров от Ангарска, и вот - цель нашего путешествия! В 500 метрах от острога внимание привлекает старинный особняк с вывеской «Дом народного творчества», и мы решаем в него зайти...

• Коллектив Дома народного творчества села Бельск на проведении тура выходного дня, июнь 2016 года

Оказывается, старинный особняк (середина XIX века) принадлежал церковному старосте Платону Трескину, Дом народного творчества действует в нём с 1996 года. Сотрудники рассказали, что на базе Дома народного творчества создан музей села, где действует выставка крестьянского быта конца XIX - начала XX века. С 1999 года сотрудники ДНТ проводят экскурсии по селу по маршрутам: «Бельск – село заповедное»; «Декабристы в Бельске».

Поражает воображение количество заготовленного природного материала, что хранится практически в каждой комнате Дома творчества. Оказывается, в 2009-м году здесь был создан клуб любителей декоративно-прикладного искусства «Сибирский ларец», целью которого стало распространение традиций народного творчества среди населения. В 2014-м году Министерством культуры и архивов Иркутской области клубу было присвоено звание «Народный».

В клубе 6 подразделений: художественная обработка бересты, соломоплетение, народная тряпичная кукла, бисероплетение, валяние из шерсти, художественная обработка древесины. Участников – 32 человека, из них 17 взрослых и 15 детей. В д. Ключи, что в 12 км от села Бельск, на базе сельского клуба работает коллектив-спутник «Мозаика творчества», в котором занимаются 28 кружковцев, 11 из них – взрослые люди. Руководят подразделениями работники ДНТ, которые к тому же являются членами Ассоциации мастеров народного творчества и художественных ремесел «Оникс». С 2003

года специалисты ДНТ принимают участие в ежегодной выставке «Земля Иркутская. Сибирь мастеровая» в «Сибэкспоцентре» (Иркутск), где проводят мастер-классы по художественной обработке бересты и соломоплетению.

Три представительницы ДНТ стали обладательницами Гран-при областного конкурса «Деревенская красавица-искусница». С 2011 года мастера ДНТ - лауреаты и дипломанты конкурса «Золотое дерево» и «Мастер – золотые руки» (г. Усть – Илимск). В 2013-м году директор ДНТ **Светлана Бронникова** получила почетное звание «Народный матер Иркутской области», а методист **Тамара Потылицына** стала лауреатом премии Губернатора Иркутской области в номинации «За творческий вклад». В 2015-м году ей также было присвоено звание «Народный мастер Иркутской области».

Интересно, что в течение трёх летних месяцев на территории Дома народного творчества проводятся туры выходного дня для гостей и жителей села, где все желающие могут поучаствовать в мастер-классах по различным видам прикладного творчества, увидеть фрагменты народных праздников и полакомиться блюдами русской кухни. **Теперь и мы планируем летнюю поездку в с. Бельск, потому что приглашены дружным коллективом Дома народного творчества на празднование Троицы... Обязательно поедем и расскажем читателям об этой поездке!**

■ А. НАРЧУК

Автомобиль в летописи Иркутска

О первом автомобиле

Первый автомобиль в Иркутск привез купец Николай ЯКОВЛЕВ из Франции. Случилось это событие 1 июля 1899 года. Газета «Восточное обозрение» в № 149 за 1899 год сообщала: «В настоящее время на улицах города можно видеть автомобиль, привезенный господином Яковлевым из Франции. Отапливается бензином. Лошади относятся к автомобилю совсем равнодушно. Автомобиль будет на днях на циклодроме, где желающие за небольшую плату с благотворительной целью могут на нем покататься». Максимальная скорость, которую мог развить автомобиль Яковлева, составляла 15 км/ч. Максимальное количество пассажиров – три человека.

О первой иркутской автошколе

Заметной личностью в автомобильной истории Иркутска стал Иван АЛЕКСЕЕВ, владелец галантерейных магазинов. Он основал первый гаражный кооператив, при котором открыл первую автошколу (1915), она называлась «Практические курсы шоферов при первом автомобильном гараже».

О первых гонках

1908 год стал для Иркутска особенным. В этом году по маршруту «Америка – Китай – Сибирь – Европа» проводились первые международные автомобильные гонки. Вторая часть этих гонок проходила по трассе «Пекин – Париж». Летом 1908 года кавалькада машин пронеслась через Глазово. Часть ушла через деревянный ангарский мост, а часть погрузилась на платформы и добиралась до Красноярска на платформах.

О первом такси

Первым таксистом в Иркутске был Хрисанф ТУРУТАНОВ (40-е годы). Долгое время он работал водителем в Монголии, откуда и привез себе иномарку. Приехав из Монголии, он рассказывал, что там очень много американских машин и что по всем своим параметрам они намного превосходят наши полуторки. Вскоре вызвал его к себе директор автобазы: «Беги немедленно! За тобой сейчас придут!». В то время в политической статье 58 один пункт назывался «Восхваление иностранной техники». Турутанов бежал в деревню, позже вернулся и продолжил работать водителем до 1985 года.

■ Подготовила А. НАРЧУК

• Первый автомобиль, появившийся в Иркутске

• Довоенный паровой автомобиль ЗиС-5

• Послевоенный паровой автомобиль НАМИ-012. За кабиной находилось машинное отделение со смотровым люком.

Победа любой ценой...

Мой дед СМОЛЯР Владимир Семёнович родился 7 января 1924 года в селе Алкин в семье крестьянина-середняка. В школу пошёл в 8 лет, когда ему было 10 лет, убили его отца, но мальчик не оставил учебу. Проучившись одну четверть в 9-м классе, он оставил школу из-за болезни, а после выздоровления пошёл работать учетчиком в тракторный отряд. В январе 1942 года он был направлен на курсы механизаторов сельского хозяйства, и в апреле того же года закончил их с отличием по специальности «комбайнер-тракторист». Весной пахал на тракторе, а летом ремонтировал комбайны...

13 августа 1942 года Владимир был призван в Красную Армию по комсомольскому набору. Из всего села в 1942-м году он был призван один, его одноклассники пошли на фронт в феврале 1943 года. Парень прибыл в Москву, где должен был пройти мандатную комиссию, так как был набран в секретные части - на «Катюши». Из Москвы его направили на Калининский фронт под Ржев в 348-й отдельный гвардейский минометный дивизион. Назначили телефонистом, хотя просился в разведчики... Изучали телефоны в окопах, и 7 ноября 1942 года, провоевав 2 месяца, ребята приняли присягу. Сначала Владимир служил телефонистом в батарее, потом на наблюдательном пункте. Провоевали до конца декабря, и дивизион отозвали в Москву для ремонта техники.

Вот что рассказывал дед о своей службе:

«Мы прибыли в Москву 29 декабря 1942 года, пробыли там до 10 февраля 1943 года, - ночью дивизион был поднят по тревоге, и мы отправились на Брянский фронт за Сухиничи под Жиздрой. К тому времени я был уже дивизионным разведчиком. На Брянском фронте 8 марта 1943 года я получил первое ранение в правую руку в результате бомбежки наших позиций пикирующими бомбардировщиками немцев. После выздоровления вернулся в свой дивизион. Воевали мы на Брянском фронте до конца мая: дивизион опять отозвали в Москву на ремонт «Катюш» и на формирование. Из дивизиона был сформирован 9-й гвардейский минометный полк. Я был назначен старшим полковым разведчиком. 10 июня 1943 года полк подняли по тревоге ночью, и он своим ходом двинулся под Курскую дугу. После того, как были отбиты все ата-

ки немцев, полк направили на юг, на 2-й Украинский фронт поддерживать 5-й Донской Казачий Кавалерийский Краснознаменный Гвардейский корпус. Наш полк участвовал в освобождении городов Волноваховка, Полога, Орехово, Гуляй Поле и др. За освобождение Волноваховки полку было присвоено название «Волноваховский». Полк и корпус участвовали в освобождении левобережной Украины. Здесь, на левом берегу р. Днепр, под Херсоном 4 октября 1943 года я был вторично ранен в правое колено очередью из пулемета немецкого танка.

Так я расстался со своим полком, так как после выздоровления был направлен в составе маршевой роты на 4-й Украинский фронт в Крым. В конце ноября 1943 года я был зачислен ручным пулеметчиком в 1276-й стрелковый полк 378-й стрелковой дивизии, воевавшей в то время в Крыму в районе Турецкого вала - Сиваши. В этой дивизии я был принят в члены ВКП(б). Здесь 28 марта 1944 года я получил третье ранение, два осколка в правом бедре. Опять госпитали: в Макеевке, в Ростове-на-Дону, в Горьком. Из Горького после выздоровления был направлен в Брянск. В дороге заболел малярией, и был госпитализирован в Брянске. После выздоровления был направлен в запасной полк в Брянске и служил в полковой батарее 122-миллиметровых пушек разведчиком-наблюдателем. В августе 1944 года в полк приехала комиссия по набору пополнения в воздушно-десантные войска. Я был признан годным к этой службе и попал в 300-й гвардейский стрелковый полк 100-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, которая стояла в г. Орша. Учеба, прыжки с аэростата и самолетов, - и опять на фронт. В ноябре 1944

• В.С. Смоляр

года дивизия и полк были направлены на 2-й Украинский фронт. Участвовал в освобождении Чехословакии, в боях по разгрому семи танковых дивизий немцев в районе озера Балатон в Венгрии. Здесь в звании младшего сержанта я командовал отделением управления минометной роты и одновременно был её парторгом. Участвовал в боях по взятию столицы Австрии. За боевые действия на полях Венгрии и Австрии имею три благодарности Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И.В. Сталина.

25 апреля 1945 года я получил четвертое осколочное ранение в голову и попал в госпиталь, где и встретил День Победы. После выздоровления вернулся в свою часть и служил в Венгрии. Демобилизовался в октябре 1945 года по Указу Верховного Совета СССР как получивший 3 и более ранений».

За участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны мой дед был награжден Орденом Отечественной Войны I степени, двумя медалями «За Отвагу», медалью «За взятие г. Вены», медалью «За взятие г. Будапешта», медалью «За Победу над Германией», а также всеми юбилейными медалями. Но все эти награды, на мой взгляд, нисколько не компенсировали того, что он на всю жизнь остался инвалидом II группы. Дедушка умер в 1999-м году, похоронен в Байкальске Слюдянского района Иркутской области, где жил последние годы.

■ Е. А. ПЕРВУШИНА, г. Улан-Удэ

Анисим Михайлович ВСТАВСКИЙ родился в 1923-м году в деревне Чеченево Тарского района Омской области. Ветеран Великой Отечественной войны, был призван в 1942-м году. Войну закончил в Германии в 1945-м году. Домой вернулся через два года, окончил Иркутский сельскохозяйственный техникум. Агроном, всю жизнь прожил в деревне. Сейчас живёт в п. Маркова Иркутского района, пишет о войне и своих боевых товарищах.

Эх, дороги молодости нашей...

Немцы отступают почти целый день. Мы несёмся, запалили лошадей. Кони всхрапывают, мотают головами. Устали, да ещё как! Мы тоже. Окаменевшие ноги. Нужно облегчаться, а то набьёшь спину лошади, с тебя спросят. Поглядываем друг на друга: когда передышка? Но в то же время покорно молчим, одобряем своих командиров. Правильно делают. Немцы на автомашинах убегают от нас. Выберут выгодное место для обороны, приготовятся. Не дадим им такой возможности, не дадим лишней крови и смертей с нашей стороны. Вот и несемся, сколь есть сил. И вдруг мой конь на полном скаку упёрся на все четыре подпорки, окаменел. Подпопирал я его, а он стоит, как вкопанный, не реагирует. Да он что? Мелкая дрожь ног, спины. Гвардии старший лейтенант Панченко, наш взводный:

- Ты что, Вставский?
Я соскочил с коня:
- Конь что-то.
Ребята во взводе:
- Наверное, сердце отказало, запалился.

Взводный озабоченно:
- Отстанем от своих. - Оглянулся и зловато рявкнул:
- Ездовой, рядовой Батюшкин, давай сюда!

А ездовой растягивает:
- А я-то что? Зачем мне это?
Ребята зло:
- Ты что, команды не понимаешь? Дурак что ли?

- Ну сей...час подъеду...
- Так, Вставский, кидай на повозку седло, ружьё и сам с ездовым. Ребята, коня подвиньте в кювет подальше, чтобы он движению не мешал.

Я взглянул на коня, ком к горлу подкатывает. Сдерживаю себя, чтоб не показаться слабаком, вдруг блеснут слёзы. У него печальный, отрешённый взгляд. Вроде бы безразличный, мо-

крые глаза, взмокшее трясущееся тело и вдруг умоляющий взгляд: «Люди, вы что? Я же вам служил до последнего вздоха, не бросайте меня». Панченко жаль коня, но время подпирает:

- Мы для него уже ничего не можем сделать. - Взглянул на часы, резко обычного сказал:

- Будет тебе конь, Вставский, - и звонко крикнул:

- Кожин, ко мне! На следующей остановке возьмёшь Вставского с собой. Будешь за старшего. Да не тяните там время. Отстанете, не догоните, дезертиры.

Взвод из всех сил помчался вперёд. Ездовой чуть дёрнул вожжами, конь спокойно потрусил вперёд. Я сижу и думаю: «Что, он не понимает, что нельзя отставать от своих? Корчит из себя, не нюхал пороха, наверное». Спросил я его:

- Ты откуда, парень?
- Ты о чём?
- Ну, с какой местности?
- А...а...а, рязанский я, с деревни. Недавно меня забрали.

А я ему:
- Забирают в плен немцев! А в деревне кем работал?

- А мужиков-то забрали, потом опять забрали, стал учётиком.

- Ну, большой начальник, - я хохотнул.

- Потом бригадиром, а ты не смеешься. Бабы-то уважали, угощали.

- Жалеть-то их некому было? - спросил я его.

- А я их жалел, - весело рассмеялся ездовой, пацан-салажонок.

Смотрю: нам навстречу идёт, торопится, держится обочины молодая высокая пани в монашеском чёрном одеянии. Слева сопки высокие, поросшие лесом. И вдруг оттуда пушка немецкая ухнула. А у меня в голове: «Сейчас недолёт, а потом перелёт, кто-

то, наверное, координирует обстрел, а с третьего раза от нас мокрое место останется». Монашка прибавила шаг, торопно, всей пятернёй крестит лоб. Рванул снаряд между нами, завизжали осколки. Она чуть ли не бегом и усиленно молится, нервно шевелит губами. Просит, наверное, Матку Боску: «Спаси и сохрани». А мы молчим. Нам, мужикам, держать марку надо. Некоторые говорят, что новобранцы кричали маму в первых боях. Ни разу не слышал и сам себя держал в руках. Потом чтобы на тебя ехидно смотрели, улыбались и думали: «Слабак! Баба, а не мужик». Смотрю на ездового - околел. Ничего не понимает, вытупил глазницы. Взглянул я: монашка нервно, второпях дёргает за ручку двери на калитке. Вместо того, чтобы открывать, она закрывает. Хлещет плечом в дверь, калитка не открывается. Потом, похоже, сообразила, мигом скрылась за изгородью. Там внизу, наверное, монастырь или небольшой костелок. Вот туда-то она и стремилась. Батюшкин, наверное, испугался, растерялся, но тут же врубился. Откуда-то прут взялся у него. Неожиданно со всего плеча огрел коня. Конь рванулся вперёд, я кубарем слетел с повозки назад. Как-то само собой получилось, что сразу же спружинил, вскочил на ноги, как Ванька-встанька, и рванул за повозкой. Кричу:

- Стой, дурак!

А он продолжает хлестать лошадь, она уже готова из кожи выскочить, а он всё хлещет. У меня сердце стучит молотками, воздуху не хватает, кричать нет сил. Останусь один в лесу, без оружия, в чужой стране, не зная языка. Наверное, не все сбежали немцы. Раз два добежал до скачущей повозки, но сил не хватило ухватиться, забраться в повозку. Наконец-то он оглянулся да так удивился:

- Ты что соскочил-то?

- Я частенько подумываю о тебе. Где он? Помалкивает. Мало ли что. Жив ли? Здоров ли? Хотел Пермякова послать, но смотрю, ты сам пожаловал. Нарисовался, а времени у нас, как всегда, в обрез, - и вдруг круто повернулся, резко крикнул:

- Пермяков!

Пермяков подлетел:

- Я, товарищ гвардии...

Комэска недовольным тоном:

- Отставить, Пермяков! Там что у нас во фляжках булькает?

Пермяков со смехом:

- Булькает, булькает, товарищ гвардии.

- Давай, что-нибудь, да поживей. По-походному, по-солдатски. Когда это всё кончится?

И вдруг неожиданно спросил у Панченко:

- Война кончится, ты чем заниматься думаешь?

Панченко задержался с ответом.

- Представь себе, вот она кончилась, и мы остались живы.

- Пойду в школу снова, ребятишек учить. Ведь я был директором. С ними гораздо лучше, чем на войне с солдатами.

Комэска, гвардии старший лейтенант Лилеченко:

- Давай, Пермяков. А то дадут команду, не успеем глотнуть, перебраться словами, а в голове накопилось столько, некогда, да и некому всё вывалить. Башка трещит, разрывается. Такой материал созрел, надо бы на бумагу, отличная работа. Нет времени. Особенно о войне и союзниках. Жаль, конечно, если что со мной. Ведь это всё останется людям неизвестно.

Пермяков и Панченко перестали жевать после выпивки - так удивились. Первый раз слышали такое от «железного», никогда не теряющегося в любой крутой обстановке во время ожесточённых боёв. Лилеченко вдруг спружинил, матюгнув себя в уме, подумал: «Что это я раскис? Мало ли что могут подумать оны». И, сердясь на себя, рывкнул:

- Вы что устались-то? Как говорили у нас старики? И на старуху бывает проруха. Я ведь тоже человек, как и вы. Меня иногда называют «железным», но мне даётся не так-то просто взять себя в руки, направлять всю свою волю на выполнение какого-то задания. Это впоследствии отразится на моём здоровье, если останусь жив. А то не доживу до конца войны от такого напряжения, - и сразу же:

- Ну, давай докладывай, с чем приехал? Никогда не приезжал, дисциплинированный офицер. Что стряслось-то? Только вкратце, саму суть.

Панченко запросто, толково изло-

жил ему суть дела.

Лилеченко:

- Сейчас слушай меня. Конечно, у тебя ошибочка небольшая получилась с этим Кожиным. Блатяга и тюремщик. Их немного попало на фронт. Их можно не посылать туда, где другие могут отлично справиться и без них. А что касается пана Курликовского, то наше начальство договорилось с Польским руководством. Мы не просто берём и обижаем поляков. Нет. Мы покупаем у них лошадей. И платим приличные суммы. Он купит на эти деньги два таких жеребчика. Если бы старшим был Вставский, крестьянин, колхозник, этого бы не произошло. Хорошо, что он этих двоих не грохнул. Вот тогда бы нам с тобой туго пришлось. Спасибо, что всё кончилось благополучно. Но, как у нас говорят: «Век живи, век учишь и дураком помрешь». Не обижайся, земляк, это у всех так. Кто ничего не делает, тот и не ошибается. Я ведь сколько раз тебе рассказывал, что я историк по образованию. Притом до безумия влюблён в историю. Писал много и с удовольствием. Не буду себя возносить до небес. Мои работы иногда принимали в союзные газеты и журналы.

Панченко подумал: «Торопился, а сейчас завёлся, как косач на току. Остановить нужно». Усмехнулся про себя.

- Меня вот такой вопрос волнует. Мы освобождаем Польшу, а лошадей покупаем у них. Победу полякам подносим на блюде с красивой каёмочкой.

Лилеченко кашлянул в кулак, показав пальцем вверх:

- Но это решается не нами. Там сидят и думают не такие головы, как у нас, грешных. А если просто между нами, то с поляками во все времена у нас очень сложные взаимоотношения. Как говорится, Бог сотворил землю и поселил этих поляков между Россией и Германией, а французы и англичане увидели возможность воткнуть вечную занозу в тело России и Германии. Ну, Германии - куда ни шло. А мы ведь с поляками - славяне. У нас с ними говор схож, да и не только. Я даже думаю, что когда-то все славяне были одной нацией, а потом как-то разделились, разошлись. Вот хотелось бы мне поработать, покопаться, поискать причины этого разрыва, поспорить об этом, выложить свои мысли, догадки. Но это после войны. Возможно, поработаем, напишем. Хотелось бы. Ну, кажется, всё у нас с вами.

Взглянул строго, как бы прощальным взглядом, на Панченко. Лилеченко пригнулся для рукопожатия.

- Да нет, не всё,- промолвил Панченко.

Лилеченко удивлённо взбросил брови вверх.

- Я как цыган. Пустил на порог, а я за стол. Наелся - и ноги на стол. Прошу, комэска, взгляни на жеребчика. Уверен, потянет. Махнут не глядя. Вставскому по его званию лишку будет. Ребята завидные взгляды мечут. Кожин надулся злостью, а вам, товарищ комэска, под стать будет. Заодно и во взводе порядок.

Вставский увидел двух командиров вместе. Понял. Сердце ёкнуло. Лилеченко сходу:

- Красноармеец Вставский, есть предложение махнуть не глядя лошадками.

Взводный:

- Махни, Вставский, махни.

Ребята заулыбались:

- Давай, Вставский!

Вставский:

- Ну, какой разговор, махнём.

Ребята соскочили. Перебросили сёдла, уздечки. Комэска подал руку Вставскому:

- Конь-то добрый. Привык я к нему. Но раз нужно, и к этому придётся привыкать.

И вихрем умчался в эскадрон. Вставский подумал: «Конь-то не хуже, чем у взводного. Тот-то злил всех во круг».

Как-то взводный остановил Вставского, улыбаясь, сообщил:

- Лилеченко недолго пришлось гарцевать на твоём коне - забрали в полк.

А когда пришло время, получили приказ оставить Германию и двигаться в сторону Белоруссии, под Бобруйск, через всю Польшу. В головах высшего начальства, по-видимому, былработан такой план: мы должны дорогой в Польшу откормить своих лошадей и сдать их в сельское хозяйство Белоруссии. По дороге в Польшу у нас произошёл такой казус. Пустили лошадей. Кони гуляют, питаются, мы отдыхаем, кругом лес. Травы растут буйные, разнотравье. А запах-то, запах - не надышишься. Плотно позавтракали. Настроение хорошее. Болтаем, вспоминаем о своих прошлых делах. Думаем о будущем. Радует счастье, тишине. И вдруг прилетает польский крестьянин - старик, запыхавшийся, вспотевший, с испуганными глазами. Одет по-особому. Наверное, одевался второпях. При очень фасонистой шляпе, в крестьянской поношенной рубашонке и штанишках, босиком. Ноги грязные, в земле и жиже. Наверное, летел по просёлочной дороге. Я-то все понял сразу: кто-то ему сказал, что его покос русские солдаты травят, а в хозяйстве 2-3 коровы. Стравим его покос, на что

будет жить он сам и его семья? Старик бегаёт, руками машет, строчит, как из пулемёта, давится словами, понять его невозможно. Он не знает русского языка. Я подошёл к нему, кричу:

- Где твой покос кончается?

Он меня понял. Махнул мне рукой. Я побежал за ним. Оббежали. Потом подошёл к взводному, прошу:

- Нужно помочь старику.

Панченко сперва меня не понял:

- А чем мы ему поможем?

- Ну как Вы не понимаете, товарищ гвардии старший лейтенант? Мы же его покос травим. А он бедный крестьянин. Здесь колхозов нет. Он живёт своим хозяйством.

- Ты что, Вставский, кричишь-то. Нам приказ – откормить лошадей.

Подошёл Кожин, завозмущался:

- Опять этот Вставский. Вот деревня! Ты чего баламутишь-то? – взревел Кожин.

И вдруг до взводного дошло. Он рявкнул:

- Кожин, прекратить разговорчики! Давайте, ребята, отгоним наших лошадей за покос старика. Пан, иди сюда! Вставский, где его покос кончается?

Угнали лошадей за панские покосы и перешли в другое место за лошадьми. Ребята собрались вокруг нас. Шутку, смеются. Им-то что, лишь бы поржать. Городские, им всё до лампочки. Кожин подошёл:

- Товарищ командир, можно по личному вопросу к Вам обратиться?

- Давай, Кожин.

- У меня большая просьба. Вы оставьте этого колхозника, Вставского, в этой деревне. Пусть он у поляков колхоз организует.

Братва засмеялась. А взводный вроде бы серьёзно:

- Ты, Кожин, так у меня весь взвод разгонишь. Нас, офицеров, без работы оставишь. Поляки-то – заядлые частники. Они в колхоз не сильно спешат. Тебя бы вместе со Вставским. Ты фигура грозная.

Ввязался в разговор Тратейкин:

- Вот Кожина бы оставить. Я бы с удовольствием. Он делать ничего не может. Он только жрать горазд. Ему бы поляки быстро брюх вытрясли.

Ребята хохотали до слёз. Взводный и то закатился. Кожин терпел поддавки своего дружка Тратейкина, но сегодня он был не в духе. И вдруг случай представился. Его осенило. Он вспомнил. Решил, что разговор в другое русло нужно направить. Увидел ездового Батюшкина и ринулся вперёд, гортанно крикнул:

- Батюшкин, давай сюда!

Батюшкин не понял, кто его приглашает. Подлетел к Панченко, неловко кач-

нулся, чуть не упал, взял под козырёк:

- Товарищ гвардии...

А Панченко мотнул головой в сторону Кожина. Батюшкин постоял, подумал и сказал:

- Но он же не командир.

На что взводный спокойно сказал:

- Он тебя приглашал.

Батюшкин шагнул к Кожину:

- Товарищ приглашающий! Я явился, но ты никто, а я всё же «ездовой», а ты солдат хреновый.

Ребята надрылись. Даже взводный с трудом остановился. И когда все успокоились, Кожин нашёл в себе силы, спросил:

- Слушай, «ездовой». Ты как-то оставил Вставского в обстрел?

- Вы что, ребята. Вы же тоже были салажатами. Не сразу стали настоящими солдатами. Я же растерялся, не специально. Я же переживаю. Извини, Вставский.

- Да ладно тебе. Сколько можно? – пробурчал Вставский, а сам подумал: «Осознал рязанский. Вот так куются в огне войны настоящие армейцы».

Кони наелись. Некоторые со стоном, пытаясь, давай ложиться в тучные запашистые травы. А мы помогали пану сельчанину Станиславу отгонять лошадей от его покосов. И вдруг зазвучала команда:

- Всем седлать лошадей! Командиры взводов, выводите людей на дорогу! Занимайте свои места в походной колонне!

Поймали, оседлали лошадей. Ждём нерасторопных. И вдруг пан Станислав подскочил к взводному Панченко, упал перед ним на колени. Все поразились. А он:

- Пан офицер! Пан офицер! Барзоденку пана! (то есть благодарит за его спасённый покос).

Панченко осердился:

- Вы что, отец! Встаньте сейчас же. У нас так не положено.

Ребята наши подскочили, подняли его на ноги. А у него слёзы на глазах блещут. Он не может понять, как же так - нельзя отблагодарить.

Мы потихоньку поехали из лесу, а он рванул, догнал меня. Протянул мне свою мозолистую крестьянскую руку. Я крепко пожал её. Он долго стоял, махал нам вслед. Я подумал: «Вот этот не будет нас проклинать и просить Матку Боску, чтобы мы все подошли. И будет всем рассказывать, какие русские солдаты хорошие, добрые люди».

Возможно, вот из таких-то ещё помнят нас в Польше. Считают нас освободителями. Стерегут и ухаживают за оставшимися памятниками. Если не они, то их сыновья и внуки. Не все же настроены против нас. В основном, ру-

ководство Польши. А раз настроено руководство, то куда, как говорится, крестьянину деваться. А у нас-то в России, не так, что ли?

Где-то часа через два въезжаем в большое польское село, наверное, районного значения. Ещё издали видим и удивляемся: какое-то невероятное движение народа в селе. Впоследствии разобрались. Кто-то взял в свои руки такую инициативу: районное руководство и, видимо, журналисты, газетчики районные, а возможно, даже областные, вывели школьников, молодёжь встречать нас духовой музыкой. Много было приветствий, кидали цветы. Особенно старались фотографы. Наверное, для газет фотографировали наши стройные ряды. Потом опрашивали, выводили по одному на лошадях, задавали вопросы: «Откуда родом? Фамилия? Звать?». Это всё для газеты. Я им тоже понравился. Конь у меня добрый. Одет неплохо. Я назвал свою фамилию. Они:

- О..о..о, пан Вставский!

Удивились, что я из Сибири:

- Но там зимно есть.

Я рассмеялся, и тут мне показали большой палец: мол, фото будет отличное, с улыбочкой, успели фоткнуть, когда я смеялся.

Так что сейчас пишу и иногда думаю, что где-то в Польше, может, сохранилось фото моей молодости, а потом возражаю сам себе: «Да ну, газета – она на один день. Почитали, выбросили – и всё».

Да, в то время мы были молодые. Рады, что остались живы. Ехали на Родину. Рвались домой. Нам всё было нипочём. Как говорится, море по колено. У..ух, поживём! Всё перевернём! За себя и за того парня. А нет, чтобы записать – что за село, что за газеты, которые должны были о нас настроичить? Как потом связаться? Это сейчас думать стали. Но сейчас-то с нами не особенно хотят разговаривать. Мы для них сейчас - оккупанты...

От редакции журнала «Признание» автору рассказа:

Уважаемый Анисим Михайлович, сердечно поздравляем Вас с Днём Победы! Мы очень гордимся сотрудничеством с Вами, желаем Вам здоровья и творческого процветания!

Знакомьтесь: Изобретатель СССР и Литератор

Прелюдия: раннее-детское

Дверь рабочего кабинета отворилась и, согласно договорённости, вошёл Александр Иванович – мой давний друг. За чашкой кофе, как обычно при наших встречах, возник оживлённый разговор. Александр заинтересованно спросил о моей технической текущей работе, и как движется моё стихотворчество. Но меня больше интересовала плодотворная литературная жизнь гостя, чем собственная. За многие годы общения с этим скромным человеком, я уже кое-что вытянул из него и знал об успехах, достигнутых им на атомном производстве и на литературной работе. При этой встрече я активно расспрашивал у него о своеобразном пути к Слову. Накопленного материала было достаточно, чтобы написать статью, но ещё хотелось задуманное подкрепить деталями, фактами и непосредственно, по некоторым вопросам, взять интервью. Всё состоялось – и прошлая жизнь Александра Ивановича, а сегодня – члена Союза писателей России, где ярче, где слабее, предстала в деталях и в наглядных материалах. Знакомьтесь...

Не буду давать эпитеты военному времени, сквозь которое, будучи ребёнком, прошёл Шурик. Но его жизнь не трудно представить, если узнать, что на начало войны у 34-летней мамы было пятеро детей: старшему 13 лет, меньшей – только родился. Отец, будучи прекрасным кузнецом, был мобилизован в трудовую армию.

Семья живёт в захолустном золото-добывающем прииске. Школа-десятилетка находится в четырёх километрах на центральном прииске Неожданный. Но в любую погоду ходит в неё троица детей, иногда не все: девятилетнюю Машу оставляет мать домовничать и нянчиться с младшим и новорожденным братиком... Сама же – даже сибирской зимой – идёт к речушке мыть-добывать золото. Это его мельчайшие блёстки-частички могли как-то кормить семью. Чтобы добыть сокровище, надо было зимней ночью жечь костры-пожог, чтобы оттаять золотоносную породу. Но будет ли маломальский фарт: намоется ли золото – знать мог только Бог. Ему-то мать тихонько молится каждую ночь. К приходу матери с работы

– дочка нагревает воду, чтобы оттаять сапоги, примёрзшие к портянкам, и кое-как стянуть их с обмёрзших ног.

...С далёких дореволюционных лет мама имела хорошее образование – четыре класса церковно-приходской школы. После ужина, что Бог даст, она укладывала детей «впалку» на пол. Не на что было ни купить, ни поставить шесть кроватей. Откуда мать брала силы, но перед сном она изустно доносила до детей стихи Некрасова, Пушкина, Кольцова, Никитина. Незабываемо звучал «Ашик-Кериб». Доброе, мелодичное западало в детские души, – отодвигало ощущение голода. Днём Шурик воспринимал услышанное от мамы и неокрепшим голосом воспроизводил запомнившееся. Возможно, что ему, мысленно, представлялся крестьянский ребёнок и лошадка, везущая хворосту воз. «Студёную зимнюю пору» он ежедневно ощущал.

...Хиленько, слабенько ли, но растёт-подрастает Шурик. В лютую зиму 1943 года, с разрешения матери, старшие братики везут в саночках укутанного ребёнка на Новогоднюю ёлку. Так впервые он переступит порог тёплой, светлой школы, но не в качестве ученика, а как своеобразного экспоната, в котором затаено что-то интересное. Наступает момент, – и ребёнок предстаёт перед зрителями... Лямочка через плечо поддерживает убогие выцветшие штанишки, перешитые из брюк старшего брата. Сухонькие ручонки – по швам: так научила мама, и собравшиеся у новогодней ёлки слышат из уст малыша «Однажды, в студёную зимнюю пору...». В зале звучат всем понятные, чётко произносимые строки Некрасова. Азартные хлопки зрителей – первая награда теще. А потом – от сказочного Деда Мороза – красивый Новогодний кулёк-подарок с пряниками и конфетами. Так в годы войны Шурик и его семья впервые полакомятся сладостями.

Как в «Уроках французского»

Драматическое событие: пожар в школе уничтожил её духовную основу-библиотеку... Из богатейшего собрания книг, журналов, обрётённого более чем за вековую историю прииска Неожданного, сохранилось только то, что было на руках читателей. Этой бедой было отнято у Шу-

• А.И. Обухов, 2017 (фото В. Григорьева)

рика с 3-го класса полноценное общение с книгой, ощущаемое им всю жизнь, как душевная и духовная травма.

...Забегая вперёд, можно предположить, что ни эта ли трагедия послужила одной из причин, что поэт Александр Обухов издаёт два сборника стихов для детей.

Незадолго до пожара семья переезжает на прииск Неожданный – ближе к работе отца и к школе. Первая учительница Мария Васильевна Васильева с первого класса обратила внимание на Шурика, как успешного ученика, и в третьем классе усаживает его на первую парту со своим сыном Димой. Он вскоре приглашает соседа по парте к себе домой. После полудня – Шурик приходит к Диме. От обилия увиденных книг и журналов у него перехватило дыхание! Мария Васильевна приглашает ребят поесть. У гостя – руки по швам: так мама научила, и заученный ответ: «Я только что поел». Это воспитание найдёт позднее отклик в стихотворении «Во время войны».

*А так и вырастали
Без каши и хлеба,
Но каждый был кристален:
Солгать – избави Бог.
Когда в гостях бывали
(Случалось между дел),
То честно отвечали:
– Я только что поел.*

Дальнейшее развивалось, как в рассказе «Уроки французского».

И Александр Иванович вспоминает подробности:

– На одной из перемен Дима говорит: – Саша, сегодня пойдём к нам сразу после уроков, так мама сказала, чтобы ты побольше почитал, а я тебе шахматы покажу.

И мы – два друга – вместе пришли из школы; вскоре – и Мария Васильевна. А чуть погодя, последовало:

– Дети! Быстренько обедать!..

Я вскочил, – руки по швам...

– А сегодня, Шурик, не получится «Я только что поел». Садись за стол, – весело пригласила Мария Васильевна. Подобные приглашения после уроков следовали неоднократно, но я не каждый раз устремлялся в гости – к обеду. Были отговорки: снег надо из ограда выбрасывать, дрова в баню таскать, голяши коровьи убирать из стайки. Да мало ли дел в деревенском быту... Но с этого времени книги и журнал «Мурзилка» стали моими постоянными друзьями. Учёба у меня шла хорошо...

...В 1951-м году происходит неповторимо-прекрасное событие в жизни пятиклассника Саши: его в числе лучших школьников награждают поездкой в город Красноярск!.. Этот год, как и предыдущие, был бедным. Семья – семь человек: отец – кузнец, мать – домохозяйка, с таких доходов не разбежишься. Было голодно – хлеба не вдосталь. В Красноярске в столовой – всё, что хочешь и сколько хочешь – бери! И впервые – мороженое! Театр! Кино! Музеи!

После такой награды – ну, как не учиться?! Саша учится прилежно и участвует в выпуске школьной стенной газеты, где публикуются первые вирши. К сожалению, уроки по литературе и русскому проводятся серенько, бледновато, но успешно пишутся изложения и сочинения.

– Параллельно с этими уроками, – вспоминает А.И., – учитель физики ведёт свои блестяще! И в 10-м классе убедительно говорит:

– Кто у меня по физике имеет отличную оценку, тот при поступлении в любой институт её получит.

У Саши Обухова физика была только на «отлично». Выбор был однозначный – Иркутский государственный университет, физико-математический факультет. Осилён небольшой конкурс – всего 7,5 человек на место (у геологов – 20), и Саша становится студентом.

Учиться и работать

Ожидаемая весёлая студенческая жизнь на деле оказалась печальной. Общежитие не дали, за квартиру пришлось отдавать половину стипендии. Помощи от родителей ждать не приходилось. Началось полуголодное, а зимой, дополнительно, и холодное существование. Зимней ни обуви, ни одежды не было. Тело укрывал всепогодный и всесезонный плащ, на ногах – кирзовые сапоги. Но такое состояние не было редкостью для студентов того времени, поступив-

ших из сёл и деревень. Ежедневно решалась дилемма: или лекции, или подработка... Тем не менее, зимняя сессия сдана. Но такое существование не могло закончиться успешно: весенняя сессия, а точнее, экзамен по любимой физике закончился провалом. Стипендия рухнула. Выход один – работать летом. Это обстоятельство привело Саню в 1957-м году в геоморфологическую экспедицию СО АН СССР, в задачу которой входило измерение глубин Байкала. Его ждала неведомая работа моториста на лодке. Но перед этим на плечи легла забота по подготовке документов и последующего получения техники, а также продовольствия для обеспечения работы экспедиции. И это – в 18 лет...

• 1957 год. Геоморфологическая экспедиция. Залив «Посольский сор»

...Здравствуй, Байкал! Приветствую тебя, белоснежный катер «Обручев»! Здравствуйте, неведомые глубины озера! Мы измерим вас! Начальнику экспедиции и Сане отведен на катере отдельный кубрик. Выкладывая вещички, студент-неудачник обнаруживает лекции по физике, убедительно озадачивается: «Надо изучать. Надо подготовиться к передаче». Но, какое там! Какая подготовка?! Рядом же – вот они! – ясные очи и плечи в маечках двух студенток-геодезисток... К концу сезона – обложка общей тетради надёжно покрылась плесенью. Однако, слава Богу, экзамен сдан успешно, хотя и с оговоркой, что поскольку передача, то – «удовлетворительно».

Всесторонние уроки не проходили для Сани бесследно. Год за годом его шарики и ролики в голове крутятся всё слаженнее, для них вовремя заливается маслице. В итоге: дипломная работа защищена на «отлично», экзамен по философии – «отлично», физика – «хорошо».

Надо сказать, что студент Обухов в последний год учёбы работал в Политехническом институте, делал дипломную и после окончания университета остался там работать. Впереди – карьера учёного. Но через год работы житейские обстоятельства вынудили оставить институт и переехать в Ангарск.

Литературный «вирус»

Непредвиденное пересечение дороги студента-физика Сани Обухова с путями-

дорогами филологов произошло в конце марта 1957 года. Ему, первокурснику, наконец-то, дали по улице «25 Октября» место в общежитии, комнату №14, на двоих. Он вспоминает:

– Вхожу в комнату. Меня встречает рослый, крепкий парень. Знакомимся. Узнаю, что он – Алик Гурулёв. Второй фразой был вопрос: – А ты знаешь, кто на этой кровати спал? – Откуда знать? Я только-то с тобой познакомился. – Здесь спал Валя Распутин.

В голосе Алика чувствовалось уважительное отношение к Вале, неведомому для меня.

Далее Александр Иванович вспоминает:

– Ещё, кажется, не смолкло последнее слово, как прозвучало: «А ты, Саня, давай сегодня-завтра прописывайся». Я, ещё не обтёртый студенческой жизнью и вообще жизнью, изрёк глупейшее: «А я уже отдал паспорт на прописку коменданту!». Мне было разъяснено значение слова «прописка». Согласно ему следовало – и быстренько! – бежать в ближайший магазин за портвейном, купить хлеба и, хорошо бы, – баночку кильки. Предложенное поручение было исполнено, и малосенькая комната до краёв заполнилась друзьями Алика. Среди них был Валя Распутин.

Быстро искрились дни апреля, мая. За это время студент-физик кратковременно встречался с Валей, познакомился с его друзьями: Кимом Балковым, Владимиром Мутиным, Андреем Румянцевым.

На втором курсе Саня объединился с физиками-однокурсниками в комнате №17. Безусловно, самым радостным событием был день получения стипендии. – Пей, гуляй, беднота! Но – чтоб тихо... тихо! Обитатели комнаты покупали знаменитый «Портвейн 777», хлеб, кильку. И почему-то даже у физиков считалось

• Александр, студент 2-го курса

неправильным не пригласить Валу – будущего великого писателя.

Объяснить это и сейчас Александр Иванович не берётся, но утверждает, что было так:

– Валя, приглашённый кем-то из нас, молча, усаживался на предложенный стул, складывал перекрещенные в кистях руки на колени – и молчал. Иногда он что-то произносил, но как-то молча-шуршаще.

...Общежитские студенты физики и математики были объединены в «кормушку-коммуну» и сдавали стипендию в её кассу. Три человека ежедневно дежурили: готовили-варили, раздавали в столовой. Питание было трёхразовым и приличным. Тягомотно было тем дежурным, которым выпадало на долю чистить картошку: три ведра – обалдеть! Но эта работа превращалась в весёлое занятие, когда у дежурных было много друзей.

...На кухню подтягивались не только физики. Сюда с удовольствием заходили историки, юристы, филологи. Шутки, анекдоты, случаи и казусы студенческой жизни – всё здесь сопровождалось смехом. Особый шарм, безусловно, был у филологов. Им присуща была большая раскрепощённость-раскованность, чем физикам. Всё это тянуло Саню к ним и к Слову. На втором курсе он становится членом редколлегии, а затем редактором стенгазеты «Жизнь физмата». Остроловы-филологи называли её «Жизнь без мата».

«Прощай!» – сказали университету в 1959-м году Сашины друзья-гуманитарии, и он на многие годы разошёлся с ними.

В 1961-м году Александр, получив специальность физика, тоже попрощался с университетом.

Надо добавить, что, будучи студентом 5-го курса, Александр работал в Политехническом институте и в его Проблемной лаборатории делал дипломную работу. После университета там и остался работать. Впереди – наука! Светлые горизонты учёного! Но судьба распорядилась по своему, и в 1962 году Александр увольняется из института.

Здравствуй, атом!

Сентябрьским днём 1962 года Александр Иванович раскрыл двери секретного предприятия п/я 79, в последствии рассекреченного и именуемого кратко АЭХК.

...Должность инженера-наладчика на основном газодиффузионном производстве пришлось ему по душе: всё – своё; вникай, изучай, твори! Оборудование совершенствовалось, – наладочно-экспериментальные работы шли непрерывно днём и ночью. Плодотворные два года

прошли быстро, и А. И. получает звание старшего инженера, а через пять лет становится руководителем группы контроля параметров основного оборудования. Внедряются его эффективные рационализаторские предложения, пишутся первые научные работы. Активного инженера направляют в 1967-м году на курсы повышения квалификации в Москву. В это время посещается первая атомная станция в Дубне, институт имени Курчатова. Александр Иванович слушает лекции ведущих профессоров-атомщиков; запомнилась четырёхчасовая лекция-беседа члена-корреспондента Академии Наук – Смородинского.

В 1975, 1983, 1984 гг. следуют курсы повышения квалификации в Свердловске-44.

В 1975-м году Александр Обухов направлен на курсы, как слушатель и, в это же время, как лектор по теме «Конфликт как категория марксистско-ленинской социологии». И не только для этого...

Суть в том, что Александр Иванович ещё в 1972 и 1973 годах блестяще сдал экзамены кандидатского минимума в СО АН СССР. Ко времени же поездки на курсы в 1975-м году им была подготовлена рукопись кандидатской диссертации на философскую тему: «Развитие промышленных систем газодиффузионного производства». Во время курсов Александру обеспечивают проведение её защиты. В заключение председатель комиссии одобрил его выступление и подытожил: «За вами, молодой человек, изобретение и – защита обеспечена». Изобретение было сделано: заявка №2296762/025443, с приоритетом от 5 августа 1980 года. Эффект от его внедрения был ошеломляющим. Продолжительность одной из ремонтных операций основного оборудования сократилась с 24 часов до 1 часа!

Все предпосылки для защиты кандидатской диссертации были налицо. За экономический вклад от изобретения и рацпредложений в размере 100 000 рублей (при курсе 80 коп. за доллар) Александру Обухову присваивают звание «Рационализатор-стотысячник».

К большому сожалению Обухова, руководить заводом пришли недоброжелательные к нему люди, трясущиеся за свои места: «Кандидат наук будет же кого-то подсиживать».

Александр Иванович, в связи с этим, вспоминает:

– У меня с главным инженером завода произошёл краткий диалог.

Он мне заявил:

– Ты где-то там делаешь диссертацию, так там и работай.

На что получил ответ:

– Я не где-то там работаю, а здесь на

заводе совершенствовать технологию.

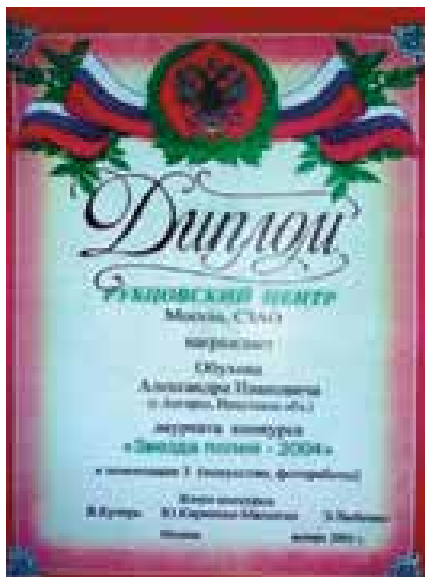
Решение главного было подкреплено тем, что для Обухова были «забиты» пропуска на смежные участки и в комбинатуправление. Не имея пропусков, он вынужденно был ограничен в деловом общении и, как следствие, в движении к защите диссертации.

Прощай, производство. Здравствуй, литература!

Выход из вышеописанных обстоятельств Александр Иванович нашёл в своём увольнении с производства в 1990-м году. К этому решению привело и то, что к этому времени он был активным участником Ангарского литературного объединения, автором нескольких статей и стихов. Его литературные опусы были одобрены Валерием Алексеевым – руководителем литобъединения и опубликованы в газетах «Маяк» и «Знамя коммунизма». Давно привитый Александру литературный вирус дал себя знать.

К тому же, он обнаружил в Ангарске Альберта Гурулёва, того самого из студенческой поры, но уже известного прозаика, члена Союза писателей России. Ко всему добавилось ещё хорошее, – добросердечная Елена Блинова издала в газете «Электротехник» своеобразный сборничек его стихов «Свет памяти». С тех пор душевное, сердечное общение этих творцов-стихотворцев не прекращается.

Расставшись с атомом в 1990-м году, Александр Иванович уехал в посёлок Мишелёвка, устроился работать в санаторий «Таёжный» и начал вплотную дружить с Музами. Друзья-заводчане предрекали ему, что сопьётся; музы, отдыхающие в санатории, закружат. Александр отвечал, что его могут закружить только пишущиеся с большой буквы Музы. Пить он – не

мастак. А Мишелёвка, мол, станет культурным центром Иркутской области.

«Служенье муз не терпит суеты». Её – суеты – в тихой деревенской жизни не было, поэтому Музы усердно служили Александру. – В 1993-м году издательство «Папирус» в Иркутске издало сборник его стихов «Цветы России». Боголепное послесловие к сборнику было написано известным поэтом Ростиславом Филипповым. Доброжелательным вступлением к большой подборке стихов откликнулся старейший корреспондент газеты «Восточно-Сибирская правда» – Константин Жуков; корреспондент газеты «Наша земля» – Александр Гладких тоже поместил отзыв и дал подборку стихов. На презентации Ростислав дружески напутствовал автора: «Мы, Саня, открыли тебе дорогу в литературу, а дальше шагай сам». Александр пошагал – и к 2000-му году издал пять сборников. Известные поэты: Анатолий Горбунов, Татьяна Суrowцева и Виктор Соколов дали рекомендации в Союз писателей России.

Но, как и в случае с диссертацией, то ли «доброжелатели», то ли ярые злопыхатели сумели охмурить председателя Иркутского регионального Союза, и приём остановился. Злобные активисты не могла ни укусь, ни лягнуть Обухова по литературной части – она была достойной для приёма автора в Союз. Но подлость изворотлива и нашла аргумент: «Зачем 60-летнего старика принимать в Союз...». «Старик» же входил в зенит и физических, и творческих сил.

Аргумент, выдвинутый недругами против Александра Ивановича, остановил моё внимание, и я решил вникнуть в тему детальнее:

– А бывали приёмы в Союз в подобном возрасте?

– Да сколько угодно! Даже старше принимали, – ответил он. – Если мне шестидесятилетнему пеняли на возраст, то,

надо полагать, Вадим Богатырёв, принятый в Союз в восемьдесят лет, воспринимался моими «доброжелателями», как юноша...

– В две тысячи шестнадцатом году, – продолжил Александр, – приняли в Союз Владислава Селиванова, – ему за шестьдесят.

...Однако вернёмся от диалога к повествованию. При наличии сборников, презентаций и рекомендаций в Союз – Александр становится своим человеком, вхожим в Дом литераторов.

Однажды, войдя в кабинет председателя, он встречается с Валентином Григорьевичем. Мимолётные встречи были и до этого. Надо полагать, что в памяти каждого хранились студенческие годы общения. На этот раз, Александр, послушав собравшихся, решил, что далее состоится деловой разговор председателя и членов Союза с Распутиным, – тактично вышел из кабинета.

Он помнит этот случай и делится воспоминаниями.

– Чья-то рука сзади легко легла на плечо. Оглянулся – Распутин! Он указал мне на одну из дверей и пригласил:

– Заходи.

В кабинете Валентин Григорьевич сел за стол, я – на стул – напротив.

– Рассказывай, чем живёшь... – предложил он.

Понимая занятость писателя, я коротко изложил, какие книжки издал, кто написал предисловия-послесловия, какие и где были отклики, кто дал рекомендации для приёма в Союз. Я не обмолвился об искусственно созданных недоброжелателями препятствиях. Позднее осознал, что надо было сказать...

В итоге краткого общения Валентин Григорьевич напутствовал:

– Нормально, правильно идёшь... Хорошие поэты дали рекомендации, – я их знаю. Успеха тебе, Саня.

Знали бы недоброжелатели, какую духовную силу влил Валентин Григорьевич в будущего писателя Александра! «Правильно идёшь...» – кратко-глубинно – по-распутински.

В роли экскурсовода. Вторая встреча с Распутиным

...Вернёмся к жизни Александра в Мишелёвке. Застопоренный на приёме в Союз он не печалится, – готовит новые книги, проводит литературные встречи, водит отдыхающих на экскурсии, создаёт Художественный музей в санатории. Отзывы о Музее не только на русском. «Журнал отзывов» заполняется на немецком, английском языках. Японцы пишут по-русски...О них – особо, ниже.

...Лето 1997 года расцветилось для Александра всеми цветами радуги от произошедшего события. Он, как обычно, сидел в вестибюле санатория за своим рабочим столом культмассовика-предпринимателя. Входная дверь широко распахивается, и входят и входят японцы. Батюшки-свет, как много! Очевидно предупреждённая, их встречает сестра-хозяйка санатория. Кто-то протягивает ей листы.

А теперь послушаем Александра Ивановича.

– Краем глаза я успел заметить, что листы заполнены на английском и кудрявятся японскими иероглифами. Очи хозяйки, по-бараньи, уставились в написанное, потом её взгляд переместился на японцев... Пауза - выжидание.

Глаза японцев становятся похожими на русские. Я смекаю, что хоть я и не работник санатория, но надо вмешаться. Беру листы и читаю японские фамилии, написанные по-английски: Ясио Хомма... Кениши Асари... Ага : вот они – голубчики – вышли из толпы. Фамилии – на двух листах. Соображаю, что среди них должен быть переводчик и по-русски спрашиваю: – Переводчик есть? Слышу: «Да, есть». Выходят двое. Первый представляется: – Нобуюки Накамото. Второй: – Соза Тосака. Я вступаю с ними в диалог. Выясняется, что они сопровождаются русским спонсором-предпринимателем, который немного задержался. Выясняется, что их группа состоит из учёных, приглашённых в Иркутск на симпозиум, и артистов труппы «Михаро Дзюки». Понимая, что японцы уставшие, прекращаю диалог, зачитываю фамилии, номера комнат, чтобы гости разместились... Вот и – предприниматель в модном сиренево-фиолетовом пиджаке. Знакомимся. – Гервасюк Альберт. Он быстро сообразил, что лучшего проведения досуга для японцев, чем мои прогулки и экскурсии, быть не может. Так всё и состоялось.

– Когда, перед началом одной из

экскурсий, я извлёк из портфеля томик классика японской поэзии – Исикавы Токубоку, то у переводчика Нобуюки Накамото глаза раскрылись, как у русского. Изустное прочтение стихотворения усилило удивление японца. Немного поговорили о японской поэзии, об особенностях перевода... Затем я вынул из рюкзака... японский магнитофон – и включил... популярнейшую песню «Каникулы любви» в исполнении сестёр-японок Дза Пинац. Японцы были в шоке! На окраине деревни, в далёком, мало кому ведомом санатории, явлена японская культура и – в лучшем виде! Последующие экскурсии: в Художественный музей, на «Поляну очарования», в старинное село Бельск – убедили японцев, что духовность либо она есть, либо нет, и это не зависит от места пребывания её носителя. В знак особого уважения – Нобуюки Накамото подарил мне свою книгу о Чехове, с автографом на японском и русском языках.

Далее Александр поведал следующее:

– Поскольку переводчик Накамото был чеховед, поэтому известил, что артисты покажут на сцене санатория шесть спектаклей по рассказам Антона Чехова! И пусть тексты звучали на японском языке, но, для читавших Чехова, прекрасная игра артистов всё раскрывала понятно! Позднее эти спектакли японцы показали в «Доме актёра» в Иркутске. Так культура Мишелёвки опередила культуру областного центра. Что я и обещал, уезжая в посёлок, – взволнованно закончил Александр Иванович.

Далее из рассказа Обухова следовало, что спонсор пригласил его в качестве гида для дальнейшей работы: сопровождать японцев до Байкала и далее быть с ними согласно их планам.

Мне ранее, со слов Александра, было известно, что после поездки на озеро учёные собрались в Доме литераторов

• Александр Обухов, Соза Тосака, Нобуюки Накамото, Альберт Гервасьук и аспирант

для проведения симпозиума по экологии озёр: Байкала, Хубсугула и японского Тоа.

Этот момент заинтересовал меня:

– И ты был на симпозиуме?

– Да, я сопровождал учёных. Ко времени симпозиума я уже знал, что ведущим с нашей стороны будет Валентин Григорьевич – активный защитник Байкала, а со стороны японцев – Кениши Асара: президент японского аналитического химико-консультативного общества... Я входил в здание первым, за мной – оба переводчика. Нас встречал на втором этаже Валентин Григорьевич. Каково же было его удивление, когда он увидел меня, возглавляющего группу.

– Ты откуда? Как здесь оказался? – быстро спросил он. – Как с ними общаешься?

– А вот два переводчика, – ответил я и приблизил их. – Они ожидают, ловят и переводят мною сказанное. Как оказался с ними – скажу потом.

– Знал ли Валентин Григорьевич заранее о том, кто будет переводчиками, мне неведомо было... Но по тому, как приветливо протянулась его рука к Нобуюки

Накамото, и как они общались в перерывах симпозиума, было видно, что они прекрасно знакомы. Я остался на симпозиуме... Позднее мне довелось провожать японцев в аэропорту.

На поэтической ступени – и надёжно

Правдива поговорка «Плетью обуха (и Обухова) не перешибёшь». Ослаб ли напор злопыхателей или другие причины, но в 2004-м году Александр Обухов, всем составом писательского собрания, единогласно был принят в Союз писателей России.

Достойное положение писателя было подтверждено Александром Обуховым не только приёмом в Союз. В 2005-м году «Рубцовский Центр. Москва» присваивает ему звание победителя Всероссийского конкурса «Звезда полей», в номинации – поэзия.

Годом раньше (2004) этот же «Центр» выдал Александру Обухову Диплом лауреата, в номинации – фотоискусство. Удивительно: два года подряд – в разных номинациях и такой успех! Надо полагать, что ему присуще не только образное поэтическое видение, но и прекрасное визуальное.

Успехов, достигнутых Александром Обуховым на поэтическом пути к 2005 году, не было за всё время литературной жизни Ангарска. Автору данной статьи известно, что после 2005 года творчество поэта, а затем и литературоведа Александра Обухова, достигло более высоких вершин.

Пожелаем нашему талантливому земляку-писателю новых успехов во всех его литературных работах.

■ С. ДУБИНИН,
г. Ангарск

Фото из архива А.И. Обухова

(продолжение следует)

• Проводы в аэропорту. В первом ряду: Нобуюки Накамото, Валентин Распутин, Александр Обухов, Борис Дмитриев, Альберт Гервасьук, Соза Тосака

Юрий Иванович 44 года отдал

С тренером высшей категории, ветераном труда Юрием Ивановичем ПОТАПОВЫМ и его семьей судьба меня свела в 1990-х. И познакомились мы на стадионе «Ангара», я тогда работал фотокорреспондентом в СМИ города и вел спортивную рубрику.

Всегда доброжелательный Ю.И. Потапов с готовностью делился радостями и проблемами: как найти спонсоров для поездки и чем наградить победителей соревнований, гордился достижениями своих воспитанников. И главное, всегда рядом, плечом к плечу тренировали легкоатлетов его супруга Надежда Михайловна и сын Альберт Юрьевич. У Юрия Ивановича в те годы были написаны заметки о становлении легкой атлетики города, но опубликовать их тогда не получилось. Сегодня вы читаете воспоминания Надежды Михайловны Потаповой, вдовы Юрия Ивановича.

...Началась спортивная династия Потаповых в 1959-м году, когда после окончания Бодайбинского геолого-разведывательного техникума Юрий Иванович приехал в Ангарск и устроился геодезистом на стройку. Первыми его соревнованиями было первенство города по легкой атлетике, которое проходило в поселке Майск на стадионе «Строитель». Узнал Юрий Иванович об этих соревнованиях из объявления и пробежал 100 метров по гаревой дорожке, придя к финишу наравне с победителем!

Позднее на жизненном пути Юрия Ивановича встретились два замечательных тренера – Анатолий Яковлевич ЛАММ и Алексей Данилович КУЗЬМИН. В Кузьмина он поверил сразу, тренировался у него, и вскоре тот перевел Юрия Ивановича на Комбинат-16, где он прошел все ступени рабочих специальностей. Надо отметить, что в команде Кузьмина тренировались такие прославленные спортсмены, как **Борис Ефимов**, участник Олимпийских игр в Риме, мастера спорта **Геннадий Богородский**, **Борис Воронюк**, **Владимир Селезнев**, **Валентина Вишковская (Гаврилова)**. В 1962 – 1963 гг. спортсмены из спортклуба «Ангара» занимали призовые места на Первенствах Советского Союза среди спортивных клубов. Выступать на таких соревнованиях было пределом мечтаний каждого легкоатлета, это была самая авторитетная команда страны!

Юрий Иванович пришел в спорт по современным меркам поздно, когда ему было 24 года. В своё время он рассказывал, что всегда делал зачёт для команды. Велит Алексей Данилович выступать в беге на 400 метров

• Ю.И. Потапов

с барьерами, Юрий Иванович бежал и выигрывал, хотя специализация у него была – 100 и 200 метров. Так он и работал, активно занимаясь спортом и выступая на всех проводимых соревнованиях, был «железным» зачётником. В ПО «Ангарскнефтеоргсинтез» дослужился до начальника смены цеха 20/21 газового завода, а в спорте нашел другое своё призвание: в 1967-м году Ю.И. Потапов закончил Омский институт ФКиС, и в 1969-м году был принят на должность старшего тренера спортклуба «Ангара».

«В 1969-м году в ДК «Нефтехимик» мы познакомились на спортивном вечере, где чествовали лучших спортсменов и физкультурников комбината», – рассказывает Надежда Михайловна. – «Валентина Михайловна Гаврилова посоветовала мне идти тренироваться только к нему».

Анатолий Яковлевич Ламм помог Юрию Ивановичу создать команду легкоатлетов, и в 1970-м году в Душанбе состоялся дебют молодого тренера. На чемпионате Таджикистана **Тимур Шадаров**, **Надежда Сенкевич (Потапова)**, **Валентина Лапина** и **Юрий Малков** стали пер-

• Награждение победителей эстафеты памяти Л. Стрижиной

спортивному клубу "Ангара"

выми его чемпионами. На первенстве ДСО «Труд» в беге на 400 метров в Брянске среди юниоров первым призером стал **Виктор Лебедев**. В Махачкале первым чемпионом России среди юношей на дистанциях 100 и 200 метров стал **Сергей Теплов**. Чемпионом России в эстафетном беге 4 x 100 метров был **Николай Андрощук**, один из самых любимых учеников Юрия Ивановича.

Лучшие из его учеников **Алексей Тумаков, Наталья Амержанова, Ирина Шельменкова (Ярошевич), Елена Семина, Альберт Потапов, Павел Хныкин, Виктория Мелкозерова, Игорь Книжин, Лариса Гусева, Анна Биглова (Казакова), Алексей Гревцев, Игорь Дуберштейн, Регина Караваева** в разные годы становились чемпионами и победителями первенств СССР, России, Спартакиад народов РСФСР, молодежных олимпиад России.

44 года проработал Юрий Иванович в спортивном клубе «Ангара». Огромный опыт профессиональной подготовки и организаторские способности позволили выдвинуться ему в ряды лучших тренеров города и области, он стал директором КДЮСШОР «Ангара» (2002 – 2003 гг.). Юрий Иванович организовывал и проводил семинары инструкторов по спорту, подготовке судей, тренеров по легкой атлетике. Им был разработан цикл лекций по основам теории методики преподавания легкой

• Участники эстафеты на призы газеты «Блиц»

• Ю.И. Потапов принимает участие в эстафете

• С семьёй

• А.Д. Кузьмин, Заслуженный тренер РФ

атлетики в высших и средних учебных заведениях. Несколько лет Ю.И. Потапов являлся доцентом кафедры физического воспитания АГТА, читал

лекции в Училище Олимпийского резерва (1995-1997) по основам теории и методики спортивных тренировок. Он работал в лучших футбольных командах Первой лиги «Ангара» и «Фортуна» тренером по общефизической подготовке, восстановил и возглавил клуб любителей бега. На общественных началах проводил уроки для родителей, чьи дети страдали заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Юрий Иванович был организатором соревнований на призы компании «Shevron» (1998) и ежегодных областных соревнований на призы Л. Стрижкиной.

Ю.И. Потапов трижды награждался знаком «Победитель социалистического соревнования», «Активист физической культуры и спорта ВЦСПС», был отмечен медалями за подготовку победителей Спартакиад народов РСФСР. В 1997-м году Юрий Иванович был награжден знаком «Отличник физической культуры и спорта».

Пять учеников Ю.И. Потапова работают тренерами по легкой атлетике, двое - на организационной работе в спорте, 14 – преподаватели физической культуры. Им подготовлены 5 мастеров спорта СССР, 4 мастера спорта России, 53 кандидата в мастера спорта.

«Люди верили ему, приводили к нему своих детей. Юрий Иванович любил петь песни, на службе в армии в танковых войсках в ЗабВО он был запевалой в хоре. «Команда молодости нашей», «А мы с тобой, брат, из пехоты», «На дальней станции сойду» были самыми любимыми. Обо- жал тайгу. Ежегодно с Вячеславом Филипповичем Есауловым, дирек- тором спортивной школы ГОРОНО ездил за кедровым орехом. Умел и любил любоваться природой. А если какая-то беда, то он первый – пони- мающий, сочувствующий, готовый помочь...», – вспоминает Надежда Михайловна.

• Награждение победителей эстафеты на призы газеты «Блиц»

• Воспитанники А.Ю.Потапова

• С победителями в манеже стадиона «Ангара»

Юрий Иванович ушел из жизни 30 ноября 2003 года на стадионе «Ангара». В легкоатлетическом манеже стадиона установлена мемориальная доска с его именем. Ежегодно в ноябре-декабре проходят соревнования памяти Ю.И. Потапова, их главный судья – Альберт Юрьевич Потапов. Огромную помощь в проведении этих соревнований оказывают Валерий Иванович САХАРОВСКИЙ и специалисты комитета по физической культуре и спорту ООП АО «АНХК».

• Н. М. Потапова

«После ухода Юрия Ивановича моя жизнь разделилась на «до» и «после». Я поняла, как мало человеку отпущено времени. Но нельзя жить в отсеке сегодняшнего дня. Сейчас моя жизненная философия изменилась, и я думаю о том, что будет завтра».

Надежда Михайловна Потапова трудится тренером высшей категории в КДЮСШОР «Ангара». Она – Мастер спорта СССР, призер чемпионата России, десятикратная чемпионка Сибири и Дальнего Востока, удостоена звания «Отличник физической культуры и спорта».

Надежда Михайловна начала заниматься легкой атлетикой в 1965-м году у тренера И.И. Долговой (СК «Ангара»). В ИТФК она специализировалась в барьерном беге на 100 метров. После окончания техникума возвратилась в родной коллектив СК «Ангара».

«На стадионе и в манеже я всегда ощущала, что Юрий Иванович нас видит, замечает каждое движение, а спортсмену очень важно, чтобы его заметили и оценили по достоинству! Юрий Иванович всегда был уверен в своих учениках и знал, как передать спортсмену эту уверенность. И вот появилось страстное желание прыгнуть в длину на 6 метров... Так в Ангарске ещё никто не прыгал!

К этому времени в моей жизни произошел крутой поворот. В июле 1971 года я вышла замуж за Юрия Ивановича, и в августе 1972 года родился сын Альберт. Тренировки я продолжила через 8 месяцев на сборах во Фрунзе (Киргизия)...

Проанализировав и испробовав все возможности, в декабре 1975 года я преодолела шестиметровую

• С сыном Альбертом

отметку – прыгнула на 6 м 03 см. В мае 1976 года на первенстве ЦС «Труд» в Брянске заняла III место с результатом 6 м 14 см. Поверила, что смогу стать Мастером спорта. И в августе на зоне Сибири и дальнего Востока мне покорились 6 м 25 см: есть норматив Мастера спорта СССР и II место! В сентябре на чемпионате РСФСР вновь III место и 6 м 14 см. Это в холод и со встречным ветром! Сезон 1977 года начался в Москве на первенстве ЦС. Золото с результатом 6 м 17 см! В марте в Барнауле стала первой на 1-м зимнем чемпионате Сибири и Дальнего Востока, прыгнув на 6 м 27 см. Рекорд барнаульского манежа «сдал» сразу 48 см! Норматив Мастера спорта повторила в апреле во Фрунзе на Мемориале героя Гражданской войны Якова Логвиненко. «Золото» - 6 м 17 см! Вскоре увеличили дистанцию норматива Мастера спорта до 6 м 30 см, и на первом летнем чемпионате Сибири и Дальнего Востока я побила свой же

рекорд на 8 см, показав результат 6 м 35 см!

Вскоре мы с Юрием Ивановичем организовали тренерскую «бригаду». Лучших спортсменов я отдавала ему: этому тренеру я доверяла и ни разу не обманулась. Пришел и первый успех: в призеры России в прыжках в длину среди школьников попала **Елена Колесникова**, потом **Лариса Гусева** в 15-летнем возрасте победила в беге на 100 и 200 метров на первенстве России».

Надежда Михайловна – тренер многих чемпионов. У неё есть настоящий дар находить талантливых учеников. Надежду Михайловну волнуют и радуют все проблемы ребят, с ней, как с мамой, они делятся своими секретами, спрашивают совета. Тренер-педагог, обладающая высоким интеллектом и культурой, лёгкая на подъём, общительная и обаятельная, она неоднократно награждалась грамотами губернатора области и главы города. Вместе с Юрием Ивановичем они воспитали прекрасного сына, чемпиона и тренера, Альберта Юрьевича, который продолжает дело родителей в легкой атлетике.

...Мы расстались с Надеждой Михайловной на оптимистичной волне. И у меня в душе осталось чувство глубокого уважения к спортивной династии Потаповых. Я точно знаю, что новые победы Надежды Михайловны и Альберта Юрьевича впереди, а лёгкая атлетика в СК «Ангара» - в надежных руках опытных тренеров.

■ В. ГРИГОРЬЕВ,
фото автора
и из архива семьи Потаповых

• Надежда Михайловна с детьми

Об открытии Музея ретро автомобилей

«ГАЗ-67» и «ГАЗ-69»
– редкие экземпляры
нового отделения
Музея ретро-
мототехники,
открытого 1 мая
на ул. С. Перовской
в Иркутске.
Создатель музея
Владимир АСТАФЬЕВ
рассказал,
как создавалась
коллекция.
Что любопытно,
все раритеты
в рабочем состоянии!

- Владимир Васильевич, как долго Вы собирали коллекцию?

- На это понадобилось десять лет. Ездили в Красноярский край, Якутию, Бурятию, по всей Иркутской области. Частый результат поисков: от машины остался лишь осто́в, в деревенском сарае у деда валяется, брошенный и ржавый. Внуки мечтают сдать его на металлолом. Мы его практически с нуля воссоздаём - и автомобиль становится рабочим!..

- Кем Вы себя видите больше - коллекционером или хранителем традиций?

- Для настоящего антиквара очень важно, чтобы каждая деталь была именно того времени, каким датируется вещь. Тогда она раритет!

Конечно, при реставрации мы используем старые фотографии и чертежи, чтобы воссоздать подлинный внешний вид автомобиля, но при этом используем современные краски, и я вам не ручаюсь, что этот винтик на автомобиле «Победа» — ее родной. Для меня непринципиально, что этот болт не был выпущен в 1937-м году, от этого суть не меняется.

Я просто хочу показать, какие красавцы автомобили выпускал отечественный автопром, какие удивительные вещи придумывали наши изобретатели. Те автомобили, что представлены в экспозиции, успешно продавали за границу! Так что я скорее патриот...

- Владимир Васильевич, поздравляем Вас с открытием нового отделения Музея и будем рады рассказывать в каждом выпуске нашего журнала об его новинках! В добрый путь!

Адрес музея:
г. Иркутск,
ул. С. Перовской, 10
Тел.: 8 (3952) 93-95-95.